

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Prosince 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

10-го декабря 1931 г.

94

10-го грудня 1931 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. М. Назаров: Все дам. (Dám vše).
 2. Сергій Савицький: Під вільно-козацькі прапори! (Pod kozácké prapory!).
 3. Борис Кундрюцков: Козачий Бог. (Kozácký bůh).
 4. Микола Оверкович: Криваве поле. Krvavé pole).
 5. Константин Поляков: Наш путь. (Naš směr).
 6. Петр Крюков: * * (Verše).
-
7. „Les Cosaques Libres“. — „The free Cossacks“.
 8. На пороге пятого года. (Na prahu pátého roku).
 9. Ш. Балинов: Чем стало Козачество. (Čím se stalo Kozáctvo).
 10. В. Елисеев: Великий палач. (Veliký kat).
 11. А. Ленивов: Козачье печатное слово за границей (1919—1931 гг.). (Kozácká pressa zahraniční 1919—1931).
 12. С. Балыков: Четырехлетний путь В. К. (Čtyrletní cesta V.-K.).
 13. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 14. О В.-К. съезде. (O V. K. sjezdu).
 15. Козачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 16. В Казакии. (V Kozákii).
-

Почтовый ящик.

- София. — Т. Л. — К сожалению, большего количества экз. бесплатно послать не можем. Привет.
Будейовицы. — П. Х. — Получено. Привет.
Клевелянд. — П. К. — Исполнено. Привет.
Франция. — Л. — Получено. Привет.
Польша. — К. — Одержали. Вітаємо.
Підкарп. Русь. — В. Т. — Будемо посилать.
Польша. — Е. К. — Получено. Привет.
Болгария. — И. У. — Журнал Вам будет посылаться. Привет.
Болгария. — В. П. — Получено. Привет.
- Персия. — Ив. Л. — Посылаем. Привет.
Швейцария. — П. З. — Исполнено. Привет.
Югославия. — Я. К. — Получено. Привет.
Франция. — Ч. — Получено. Привет.
Вашингтон. — И. Н. — Посылается исправно. Привет.
Бельгия. — П. О. — Получено. Привет.
Югославия. — К. Ш. — Все получено. Привет.
Румыния. — А. Б. — Получено. Привет.
Шабач. — П. И. — Получено. Спасибо. Привет.
-

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Козачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.

А. А. Гейман. Заечар.

Г. В. Алферов — Мраморак.

А. Чекин. Крагуевац.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12. Bukarest V.

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin W. 50, Kaiser Allee 215.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Papanduva, via Canoinhas, S-ta Catharina.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. Париж.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; 17, rue Katherine Favre, Monplaisir-Plaine. Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Семеон, 28.

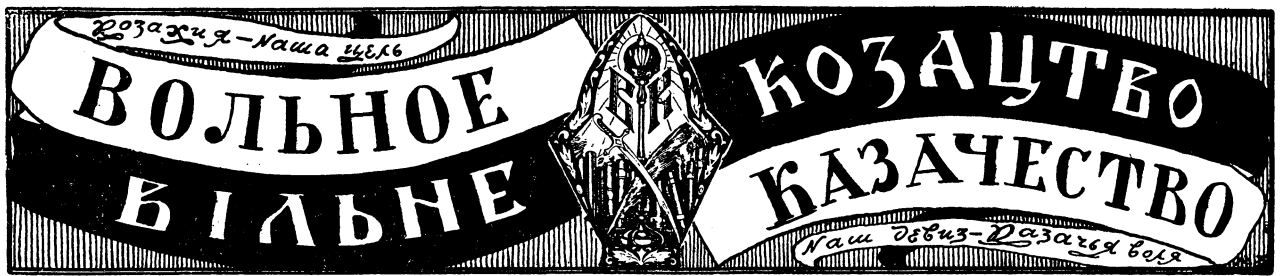
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.

№ 94

Четверг, 10 декабря, 1931 — Четверг, 10 грудня, 1931.

№ 94

И. М. Назаров. (Княжевац).

ВСЕ ДАМ.

Я видел сон: разбивши цепи
Моей неволи, шел я в даль.
Влекла меня в Донские степи
Моя заветная печаль.
Семи морей прошел я бури;
Семь царств могучих миновал,
Пока в предутренней лазури
Родной земли не увидел.
Вот степи даль ушла к востоку,
Как необъятный океан.
Курганы в ней. И одиноко
Стоит „Мамаевский курган“.
Иду к нему. В горящем взгляде
Несу борьбы и бунта сон...
Как вдруг, в воинственном наряде
Из под кургана вышел Он...
Мамай!.. Он сам, с походной свитой,
Неукротимый, как гроза.
Его походка, лоб открытый,
Его орлиные глаза...
„Проси! — сказал мне хан могучий,
„Чего хотел бы ты, скорей!“
— „Дай сто полков коней летучих,
Сто тысяч копий и мечей.“

„Все дам! — ответил он сурово,
Лишь только будете иметь
Сто тысяч всадников, готовых
В степи за Волю умереть.
Я сам с их первыми полками
Ворвусь в окопы на коне;
Упьюсь победой над врагами
И сам погибну в их огне“...
С тех пор я Богу шлю молитвы
И в бой зову своих орлов,
Чтоб все слетались — для битвы —
Спасти Отчизну из оков.
И будет бой. Я твердо знаю:
То будет наш последний бой.
Последний долг родному Краю
Мы отдадим в борьбе святой...
И будет грозен день расчета:
Сто наших огненных полков
Орлами бросятся с налета
На миллионы „их“ рабов...
Тогда то Воля скинет цепи,
Под ней раскинется наш стан
И снова вырастет средь степи
Второй Мамаевский Курган...

Сергій Савицький.

(Бразилія).

ПІД ВІЛЬНО-КОЗАЦЬКІ ПРАПОРИ!

Під вільно-козацькі прапори
Вже час гуртуватися нам,
Бо лихо не спить: крові море
Щодня розливається там...

Нас ждуть по степах і станицях,
Нас ждуть по лісах і в горах,

Нас ждуть у кайданах в темницях,
Нас ждуть в очеретах в плавнях...

Під вільно-козацькі прапори
Хоч думкою станьмо в ряди,
Забудьмо братерські роздори
І всі, як один, до мети.

Мета наша — воля для краю,
Для наших широких степів,
Де славне козацтво конає
Від злобних червоних катів.

Борис Кундрюцков. (Белград).

КАЗАЧИЙ БОГ.

На Божество смотреть не в силах был,
Не в силах был согнуть свои колени,
Ослепнув от лучей, я выход позабыл
И пал, дрожа, на мшистые ступени...

А ночь текла над храмом одиноким
И шум воды чуть слышно долетал,
И лес, надвинувшись в молчании глубоко,
На стены старые, нахмурившись, взирал...

Зачем заехал я в покинутый, забытый
Степного Божества пустой холодный храм, —
Что сердцем я искал усталым и разбитым
Среди руин — не знал, не ведал сам...

Без трепета порог большой и стертый
В святилище легко переступил,
И затхлый воздух там, насыщенный и спертый
На миг один меня ошеломил...

На ночь приютом мне могли служить те стены...
Я взор поднял на светлый пьедестал —
Казался мне из золотистой пены
Его весь в трещинах из мрамора овал...

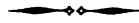
Смотрел... И вдруг над ним родилось... нечто —
Как будто облачко... как будто легкий дым
В движении волнистом, бесконечном,
Меня формы, был он недвижим...

И линии, ломаясь, округлялись
Из точек огненных рождался страшный лик,
И черные глаза томленьем зажигались
И чудилось — Он и Беден и Велик.

Прожег меня тот взор — клинок каленый,
Как будто бы давно... в прошедшие года
Я перед ним стоял, копьём вооруженный,
Стянув коню тугие повода...

Видением мелькнуло пред глазами...
Старинный, боевой в груди проснулся крик, —
Я... прошептал его... забытыми слогами...
И смерклося в глазах в безумный этот миг.

И сколько времени лежал один — не знаю.
Был день уже... Я подошел к коню,
Шатаюсь, бледный весь... С тех пор я... не держу
И образ виденный в душе, таясь, храню...

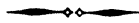

Микола Оверкович.

КРОВАВЕ ПОЛЕ.

То не хмара — чорні круки
На степи зелені й луки
З клетком налетіли...
Не трава лягла на полю —
Свої голови за Волю
Козаки зложили...
І скорботні й сумовиті
Лежать лицарі побиті
Розкидані всюди;
Обгорнув їх морок ночі,
Вічний сон сковав їм очі —
День їх не розбудить...
На кровавім місці битви
Без попа і без молитви,
Без свічок й кадила,
Вітри буйні відспівають
Та пісками заховують
Козацьке тіло.

І не рідними сльозами,
А жорстокими дощами
Буде воно змито;
Не закриють милі руки
Мертві очі — хижі круки
Виймуть їх сердито.
Хрест могильний не покаже
І нагробник не розкаже
Рідному народу,
Де лягли бойці незнанні
У кровавому змаганні
За його свободу...
Лиш співець в могутнім співі
Перелле в серця огниві
Покоління великих
Козацькую славу й муки...
І за ним повторять внуки
На віки і віки...

Константин Поляков. (Прага).

НАШ ПУТЬ.

Старые знамена огнем опаленные;
Палаши казачьи кровью обогранные...
Мы не терпим ига, бьемся за Свободу
И несем мы Волю нашему народу.

По полям изрытым вражьими снарядами,
Путь пробьем к Отчизне нашими отрядами.
За народ казачий не страшат нас муки;
Мы в борьбе за Волю не опустим руки.
И пока навеки очи не закроем,
Мы бороться будем нерушимым строем,

Потому что знаем, как народ страдает,
Как в застенках темных братьев враг пытает.
И как вражьи кони топчат степь родную;
Слезы окропили травушку степную.
Слезы вместе с кровью землю напоили...
А для мертвых даже и могил не рыли,
И крестов для наших братьев не тесали,
Вороны степные очи им клевали...
Потому мы встали, злобою пылая,
Что народ родимый в муках умирает;
И за тех, что пали за казачью Волю,
Чьи белеют кости по родному полю;
Потому что наши женщины рыдают
И в застенках темных братья изнывают.

Петр Крюков. (Франция).

* * *

Ты слышишь стон Казачества родного? —
Вставай же вновь на вольный газават!
Тебя, за Родину бойца лихого,
Зовет проснувшийся твой брат.

Зови всех тех, кто пал за нашу Волю,
Кто жизнь свою презрел для казака,
Кто не хотел отдать свой Край в неволю
От наших дней до Ермака.

Зови их всех! А Разину Степану
Скажи: Казачество на смертный бой пойдет! —
Что не забыть Ему полученную рану...
Никола Рябовол! — Тебя казак зовет!..

„Les Cosaques Libres“.—„The free Cossacks“.

L'organisation „Les Cosaques Libres“ mène le front de la lutte des Cosaques pour leur indépendance nationale. Ce mouvement aspire à la délivrance du pays cosaque de la domination soviétique et à la création d'un état indépendant — la Cosaquie.

Les Cosaques, d'ailleurs, avaient déjà créé leurs états en 1917—18. Mais la Russie des Soviets fut contre la separation du pays cosaque et son existence politique indépendante; sans aucun doute, le pouvoir rouge de Moscou se serait opposé contre l'indépendance de tous les pays du monde, s'il avait assez de forces. Et c'est à main armée que les bolcheviks moscovites nous ont apporté leurs principes d'esclavage, d'assujettissement aux interets de l'état „des ouvriers et des paysans“.

La lutte qu'avaient mené les Cosaques pour se libérer, lutte cruelle et sanglante, dura plus que deux ans et demi. Elle était compliquée par la nécessité de défendre ses droits contre un autre ennemi — les armées „blanches“ des généraux russes Denikine et Wrangel. Car les „blancs“ ne se montrèrent guère plus tolérants que les „rouges“.

Malheureusement, les Cosaques n'ont pas trouvé plus de sympathie, pour leur cause chez les états de l'Europe Occidentale qui soutenaient les Anti-Bolcheviques au Sud de la Russie.

Toutes ces conditions défavorables aboutirent à l'échec tragique que les Cosaques ont subi dans leur lutte contre l'ennemi plus fort en ressources et en hommes.

Cependant, nous ne considérons notre cause comme perdue et nous ne voulons pas abandonner nos idéals nationaux.

Le drapeau du separatisme cosaque se trouve aujourd'hui dans les mains du groupe d'émigrés cosaques rassemblés autour des „Cosaques libres“. Ce mouvement a pour but final la création d'un état cosaque dans les frontières entre l'Ukraine, la mer Noire, le Caucase, la mer Caspienne et les embranchements méridionaux des montagnes d'Oural. Cet état comprendrait toutes les régions appartenant aux Cosaques du Don, du Coubagne, du Terek, d'Astrakhan, d'Iaïk (Oural), d'Orenbourg et aux Kalmouks.

The organization „The free Cossacks“ is the leader in chief of the national cossack movement, its aim being liberation of the cossack country from the yoke of Soviet-Russia and creation of an independent cossack state — Cossackia.

There existed already states created by the Cossacks as wholly independent republics in the years 1917—18. Yet Soviet-Russia did not consent to the separation of the cossack regions as an independent political unit. Without doubt, red Moscow would protest against political independence of all countries of the world, if only she had the power to do so. As it is, Moscow bolcheviks invading our country with red armies brought the practice of their principles — submission of all individual interests to the interest of the Soviet state of „workers and farmers“.

It was nearly three years that the Cossacks fought for their freedom — the struggle has been fierce and merciless. The situation was aggravated by the necessity for the Cossacks to defend their rights against the russian „white“ armies of generals Denikine and Wrangel. For the „white“ did not differ much from the „red“ as to their tolerance to cossack aspirations.

Unhappily the cossack question was very little known among the nations of Western Europe who supported the anti-bolchevik campaign in Russia.

All these unfavourable conditions brought about a tragic defeat of the Cossacks in their uneven struggle. Yet we don't consider our cause as lost nor do we think of abandoning our ideals.

The banner of the cossack movement for liberation is now carried on by the forces of cossack emigrants that concentrate at the group „The free Cossacks“. The final aim of this movement — creation of a cossack state into the frontiers between Ukraine, Black Sea, Caucasus, Caspian Sea and the southern extremity of Oural mountains. This state would contain all the seven regions belonging to the Cossacks of Don, as well as those of Couban, Terek, Astrakhan, Iaïk (Oural), Orenbourg and to the Calmouks.

La nation cosaque souffre terriblement sous le regime de la nouvelle despotie rouge, d'autant plus que les Cosaques ne se moutrent point résignés à la situation, qu'ils tiennent à leur droit tout dispose toute nation de se créer une existence indépendante comme l'un des membres de la grande famille des peuples. Donc c'est un crime inouï que le pouvoir de Moscou combat par la pratique de terreur inhumaine et de déportation en Sibirie ou au Nord de son terrible empire.

Néanmoins nous sommes persuadés que la fin du joug communiste n'est plus très éloignée. Et la part du lion dans cette oeuvre liberatrice sera due aux nations opprimées qui tendent à s'emanciper.

Nous serions heureux de pouvoir espérer que le moment venu les nations d'Europe nous prêteront leur appui moral pour nous aider dans notre lutte pénible.

En agissant de la sorte ils fortifieraient leur propre civilisation contre les tendances devastantes des incendiaires de la „révolution mondiale“.

At the present time the Cossacks are suffering terribly under the rule of a new red despoty; the hardships are inasmuch greater as the Cossacks do not surrender obediently. They keep faith in a future of orderly existence as an equal member among other nations. The bolchevik authorities are punishing them with a cruelty that has no equal: people are simply dispensed with or exiled one by one to the endless deserts of the far North.

Bad as it is we are convinced the reign of red Moscow would not last for ever. The work of liberation will be done and the unslaved nations by their struggling for freedom will have contributed considerably to this result.

We would be happy if in the time to come a better understanding of our cause by european nations could give us a moral help in our painful struggle.

By supporting us these nations would fortify themselves against the all-destroying tendencies of the adepts of the „universal revolution“.

На пороге пятого года.

Четыре года. При молодости казачьей периодической прессы вообще, а эмигрантской тем более, — срок достаточный для того, чтобы говорить о результатах и, оглядываясь на пройденный путь, совершенно сознательно строить планы на будущее. Четыре года тому назад, выпускная первая номер „В. К.“, мы могли только верить в успех Казачьей Идеи среди казаков, — сейчас, на пороге пятого года, накануне со следующего номера нашего журнала мы можем уже и рассчитывать, ибо дело В. К. стало реальным не только в среде казачьей, но и вне ее.

Припомним — в какой обстановке мы начали.

Казачья политическая мысль ко времени последней освободительной борьбы не была ясно отчеканенной, казачья политическо-государственная программа признавалась не всеми и казаками. Все это привело к раз'единению Казачества, — к тому, что когда над Казачьими Землями нависла угроза самому бытию Казачества, когда одни казаки стали в наступившей смертельной схватке с поработителями за интересы и правду казачью, другие пошли с русскими „белыми“, третьи — с русскими „красными“. За все это заплачено потоками казачьей крови. В самом процессе борьбы процесс политического самосознания развернулся бурным темпом и из трех „ориентаций“ казачью массу победила одна — своя: казачье начало торжествовало. Но, казачья сила была уже истрачена на чужое дело. Пришло поражение, а с ним вместе и дезорганизация духа.

На Черноморском побережье казачьи самостоятели (фактически) потеряли большее пора-

жение (физическое!), чем единосудимцы, которые нашли убежище и в Крыму.

„Крымский период“ усилил влияние русских „белых“ и их сторонников среди казаков. Падение Крыма — новый удар, окончательный удар тем, кто верил в „белых“.

Исход в эмиграцию только усилил у казаков в первое время и дезорганизацию духа и дезориентацию мысли.

Первые семь лет эмиграции (1920-1927). За эти первые семь лет все возможные казачьи несамостоятельные группировки — от единосудимцев безоговорочных до федералистов — попробовали свои силы на казачьей душе (чувстве) и на казачьем политическом сознании (разуме). За эти семь лет мы видели на политической работе: и бескомпромиссных единосудимцев всех оттенков, и автономистов, и федералистов. Политические организации и неполитические „общества“ и „союзы“ боролись за душу и тело казачье. Организации „правительственные“ и „общественные“ — все было, все пытались. Давно все это отошло в область преданий или „существует“ и до сих пор — без жизни и без надежды жить.

В течении первых семи лет эмиграции, в совершенно свободных политических условиях, когда для мысли — по крайней мере — был полный простор, испытали свои силы казачьи самостоятели всех разновидностей и... кончили бесславно.

Не будем вспоминать здесь ни блаженной памяти „Союза Возрождения Казачества“, прилепившегося к русским эсерам и умершего так, что никто этого и не заметил; ни отколовшего-

ся от него „Союза Единство Казачества“, отцвевшего, не успевши расцвести; ни „Общеказачьего с-х союза“, ни других каких „организаций“ и группировок или прессы их — всех этих „Казачьих Слов“, „Казачьих Дум“, „Казачьих Лав“, „Казачьих Путей“ и „Путей Казачества“, и многих других. Не будем говорить и о существующей еще фикции — „Казачьем Союзе“ — и его постепенно умирающем органе „Р. К.“

— Вся работа тех организаций и группировок не принесла Казачеству ничего положительного, не вывела казачьей эмиграции из состояния дезорганизации и дезориентации. Почему? — потому, что никто из них не поставил казачьего вопроса, как вопроса самого по себе; потому, что ни для одной из них казаки и казачий вопрос не были самоцелью, а только придатком другого „большого“ вопроса; потому что каждый из них в конечном счете предлагал одного и того же „хозяина“, только, может быть, в разных видах и с разных сторон. Конечно, увлечь это никого из казаков, по крайней мере тех казаков, которые не отказались мыслить о казачьих делах своей собственной головой, и болеть о судьбе Казачества своей казачьей совестью, не могло.

И все эти „организации“ и „программы“ — в лучшем случае — не оставили после себя ничего, в худшем — недовольство и недоверие казаков ко всякой новой политической акции. Относится это одинаково и к организациям политическим и к формально неполитическим, но по существу — политическим группировкам, прикрывавшимся формальной аполитичностью возглавляемых ими организаций, чтобы тем легче вести свою политическую работу „без конкуренции“.

Интересно отметить, что умерли не только те организации (несамостийные), но забыты и их программы. Или, вернее, организации те умирали потому, что умирали, были нежизненны их программы. Не составляет исключения из этого общего правила и единственная, формально еще существующая „организация“ Атаманов — О. С. Д. К. Т. Автономно-федералистическая программа ОСДКТ давно уже не вспоминается даже ее авторами, безоговорочно идущими в „сфере влияния“ русских эмигрантских „белых сил“, для которых никакого казачьего вопроса не существует. Судьба Атаманской „федерации“ — лишнее свидетельство для казаков того, чего они могли бы ожидать в будущем и от всякой другой федералистической программы.

Подчеркиваем: первые семь лет эмиграции достаточно изверили казачью душу в том, что со стороны официального казачьего возглавления или из среды общественно-политических кругов, игравших недавно еще „руководящую“ роль там, — что с той стороны может раздаваться призыв к подлинно казачьему делу.

Есть еще одно обстоятельство, в значительной мере вообще отягощающее политическую

работу в казачьей среде. Это — отсутствие у казаков навыка (опыта) в политической деятельности, отсутствие своей „политической школы“ в прошлом, разрыв традиции непосредственной политической борьбы.

— Все это, вместе взятое, создавало довольно тяжелую обстановку и для В. К. в момент его появления в конце 1927 года. Эта обстановка в значительной мере наложила свой отпечаток на первый, „зародышевый“ период работы В. К. Эта же обстановка предопределила и путь развития и роста В. К., его деятельность и формулировку его программы.

Программа В. К. — программа национального возрождения и освобождения Казачества и образования союзного казачьего государства — Казакии, — программа широкая и всесторонняя. В первой своей части — возрождение и освобождение — она вообще не могла бы быть уложена в пункты и параграфы. Во второй части — образование Казакии — она должна охватывать: путь (способ) создания, основы (по крайней мере) Конституции, т. е. государственного устройства будущего казачьего государства и решение в ней основных вопросов государственнo-политических, социальных и экономических.

Все эти вопросы имеют тесную связь одни с другими, но в наших условиях мы можем „чередовать“, и формулировать их постепенно, т. к. было бы практически невозможным дать наперед исчерпывающую формулировку всех вопросов программы в целом. Считаем необходимым оговориться по этому вопросу более подробно.

Если ставить нам, казакам, свой программный вопрос во всей его широте и во всем его объеме, — а иначе ставить его нет и смысла, — то программные трудности об'являются не только в том, чтобы национальную казачью программу правильно, вернее — удачно формулировать, выразить так, чтобы она действительно стала на все — ближайшее по крайней мере — будущее евангелием, катехизисом казачьего дела. Мало предложить программу. Надо обеспечить и ее приятие (т. е. надо сначала выполнить огромную подготовительную работу). Но мало и этого, — мало того, чтобы программа была принята, — надо, что самое главное, чтобы принявшие ее захотели и осуществить ее, претворить ее в жизнь, не останавливаясь ни перед чем — ни перед трудностями, ни перед жертвами.

Было бы весьма не легким делом писать программу национального возрождения Казачества, ибо... вся она вкладывается в одно предложение: возродить Казачество национально — это значит — разбудить его национальное чувство, вызвать его к жизни, заострить и во внутрь, и во вне. Короткая формулировка — весьма длительное осуществление, ибо это значит — создать свою национальную интеллигенцию и соответствующим образом перевоспитать целое поколение, — задача не только длительная, но и трудная. — Наши читатели, а прежде всего

наши сотрудники пусть скажут сами, если и что нам удалось уже сделать на этом пути.

Еще короче формулировка программы Освобождения, ибо в действительности это есть организация борьбы за освобождение. Удачное решение этой задачи зависит почти исключительно от того, как успешно будет протекать процесс пробуждения национального казачьего самосознания. Ибо осуществление обеих этих задач может и должно быть делом только рук самих казаков.

Отдавая себе ясный отчет в основных задачах, стоящих перед Казачеством на пути к его национальному освобождению и хорошо зная обстановку — дезорганизацию духа и мысли, как результат поражения в недавней борьбе и там — под влиянием террора завоевателей, и здесь — в условиях рассеяния и борьбы за влияние на казачьи души разного рода единонеделимцев — своих и чужих, — мы и выдвинули в первую очередь резко и определенно немногие, но общие и кардинальные вопросы политическо-национальные. Первая наша задача была: организация казачьего духа, организация казачьей политической мысли. И сейчас мы можем заявить, с полным сознанием ответственности за такое заявление, что эту задачу нам разрешить удалось: из состояния депрессии и хаоса — казачья политическая мысль выведена на прямую и широкую дорогу национального возрождения и освобождения и на дороге этой поставлены ясные, точные и определенные вехи. С этой дороги Казачество уже не может свернуть.

Мы уверены, что постепенно удастся нам разрешить и вторую задачу, стоящую перед Казачеством, а прежде всего перед казачьей эмиграцией — организацию казачьей воли — из политической толпы создать политическую армию.

Наша работа (пропаганда и организация) идет рядом и одновременно с формулировкой нашей — в. к. — программы. Сейчас мы можем говорить уже и о некоторых деталях. Успех в. к. движения среди Казачества позволяет нам сделать следующий шаг в формулировке нашей программы: через месяц, в новогоднем номере журнала „В. К.“ мы предложим проект Конституции будущей Казакии, как основную, центральную часть в. к. программы в вопросе о создании казачьего государства.

Мы имеем основания утверждать, что этот наш путь — сначала основное, главное, общее, а потом частности и мелочи — этот метод в нашей работе разделяется всеми в. к. Если бы мы избрали путь обратный и с первого же дня предложили детальную, уложенную в пункты и параграфы программу, — больше чем вероятно, что мы потерпели бы неудачу. Одни бы увязались в бесконечные споры о мелочах, для других тогда (вначале) было многое неприемлемо то, что сейчас они уже исповедуют, как свое. Да и кто мог бы создать программу в таком идеальном виде, чтобы она „сразу годилась“?

Родившись, программа должна расти и раз-

виваться вместе с ростом и развитием движения. Тогда программа создается по частям и в создании ее принимает участие весь творческий коллектив движения. Сначала — общие лозунги, потом — тезисы программы, и только потом — подробная программа.

Трудность нашей (программной) задачи заключается и в том, что нет — и не может быть! — „шаблона“ для нашей программы. Программа в форме и виде программы „партийной“ — „узкая“ и наши цели и задачи в такие формы не уложишь: программа национального освободительного движения шире программы всякой партии, борющейся за то или иное устройство государства уже существующего. Часть своей задачи мы и решили так, что решили составить проект Конституции казачьего государства — Казакии — и этот проект сделать основным пунктом политическо-освободительной программы В. К.

Итак — этапы нашей программы: возрождение и освобождение Казачества и создание Казакии.

Следующий основной, не менее главный вопрос нашей программы — какой Казакии, как должно создаться и каков должен быть государственный строй нашего казачьего государства? — Ответить на этот вопрос мы и стараемся в проекте Конституции Казакии.

Ясно, что Конституция не может охватить всех сторон государственной жизни или нормировать в деталях такие сложные вопросы, как, положим, социальные и экономические. Такие вопросы внутренней жизни государства решаются потом „реальным соотношением сил“, а в подлинно демократическом государстве, каковым мы мыслим себе Казакию, соглашением, компромиссом разных частей (классов) населения (надлежащая организация законодательства и власти). Казаки должны будут, конечно, определить и свою „социальную природу“, и свои интересы, и свое положение (место) в своем государстве, в котором им будет принадлежать большинство. А так как в общественной и государственной (политической) жизни государства роль можно играть и свои интересы защищать только будучи организованным (в политические партии), то казакам, а в первую голову казачьей эмиграции надо думать теперь уже о том, какую именно партию у себя на родине они создадут. К этой теме мы еще вернемся для более подробного ее освещения, сейчас же только посоветуем всем казакам присматриваться к заграничной партийной жизни, а особенно изучать партии земледельческие, ибо несомненно, что казачья (как и вообще всего земледельческого населения будущей Казакии) партия будет зеленого цвета.

Дальнейшим нашим программным большим вопросом является вопрос соседский: размежевание и установление тех или иных взаимоотношений со своими соседями. Общая „директива“ в этом вопросе уже изложена нами в номере 72 „В. К.“ Остается только подчеркнуть,

что наиболее спорные „пограничные“ вопросы не могут быть, конечно, решены за границей, хотя мы с своей стороны сделаем все для того, чтобы создать обстановку для наиболее безболезненного будущего окончательного решения таких вопросов там. Нашей конечной целью в этом вопросе нашей программы является не только установление добрососедских отношений со всеми нашими соседями, но и создание общего с ними союзного фронта в борьбе за свою свободу и независимость.

Четыре года издания журнала „В. К.“ и те результаты, которых уже сейчас достигло вольно-казачье движение, свидетельствуют бесспорно, что казаки способны к активной политической борьбе за свою свободу, за свое право, за свою жизнь, за свое историческое будущее. Они не все еще встали к этой борьбе, они не все еще собрались под знамена В. К., но будем верить,

что наша программа, наша работа и наша пропаганда скоро найдут путь и к их казачьим сердцам, к их казачьей совести, к их казачьему сознанию, — разбудят их и приведут в одну великую вольно-казачью семью. Да будет так.

Вступая в 5-й год издания, мы будем с еще большими усилиями продолжать начатую работу на всех наших направлениях, всегда памятуя — бдите убо... И — дай Бог, чтобы мы, казаки, были готовы к тому моменту, когда будущие события поставят перед нами еще раз возможность осуществления самого важного, самого заветного, самого основного.

Призывая в. к. памятовать о Казачестве, мы зовем их к дружной, самоотверженной и непрерывной работе и борьбе за осуществление наших идеалов.

Вперед по намеченному пути!

Шамба Балинов.

Чем стало Казачество.

Доклад, прочитанный автором: 11 ноября в г. Лионе на собрании, устроенном „Союзом Вольных Казаков в Лионе“; 17 октября в Южине на собрании, устроенном Группой Вольных Казаков; 18 октября частично прочитанный в Парей-Ле-Моньяль и 1 ноября в г. Париже на собрании, устроенном Донской Парижской станицей.

Я — прирожденный вольный человек... Скажи воеводе, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его... (Дон. Атаман Ст. Разин).

.....
 Степь далекая родная,
 Дона синева стальная
 Ждут тебя домой.
 Красный демон попирает,
 Загрязняет, оскверняет
 Твой очаг святой.
 Плачут матери старухи,
 Умирая с голодухи —
 Ждут своих детей.

(Вячеслав Седов).

В своем сообщении „Чем было Казачество“ я говорил, что с давних времен и до наших, как у далеких казачьих предков, так и в душе современного казака, крепко сидело и сидит:

1. одинаковое понимание казачьей природы, — того, что Казачество имеет свое особое племенное происхождение, свою особую, отличную от русской, историю, особый народный быт, обычаи, свои особые физические и духовные качества;

2. определенное сознание и, несмотря на страшное и кровавое подавление, на „взрывание ноздрей“, на втыкание на кол засушенных голов казачьих атаманов, на жестокие гонения и насилия, никогда не умирившее политическое стремление к своей прежней народной жизни, „как встарь“, к своей государственной независимости.

Такой вывод напрашивается сам собой при хотя бы поверхностном знакомстве с исследованиями казачьих историков, свободных от официальной русской исторической теории. Об этом же свидетельствует вся московская дипломатия XVII и XVIII в.в., члены свиты наследника русского императора, русские придворные генералы, отдельные русские и иностранные ученые, революционные деятели, казаки станичные общества, казачьи политические организации, простые казаки, видные казачьи деятели, да и вся политика Москвы в отношении Казачества, которая (Москва), несмотря на

свою полную победу над казаками, под каждым кустом в „Диком Поле“ видела скрывшегося там „сепаратиста“, в каждом казаке видела „вольного казака“, которой (Москве) всюду мерещились заговоры среди казаков, „мечтательные мысли на счет самостоятельности их отчины“ (Слова ген. Чернышева).

Да для казаков, не подавшихся окончательно двухсотлетнему московскому насильственному и искусственному внушению, от своих казачьих корней духовно не оторванных, психологически еще не расказачившихся — этих исторических доказательств и не нужно, ибо каждый казак в своем казачьем сердце, в своей казачьей душе неизменно носит, как святая святых, свое особое казачье „Я“, свой особый казачий общественно-политический идеал. Этого особого казачьего сознания никакими ухищрениями нельзя убить, можно уничтожить его только физически, убив самого казака, что и делают теперь большевики, понявшие эту очевидную истину, ибо слишком свежо и ярко, кровью записано в казачьем сердце то казачье прошлое, когда „Войско Донское представляло из себя в XVI—XVII в.в. военнo-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от московского царства, государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть. Территория Войска Донского определилась уже в самом начале его существования. Это был бассейн реки Дона, кроме его верховьев и бассейны рек — Бузулука, Хопра, Медведицы и Донца“ (проф. Сватиков).

Эта Донская республика „обладала своей территорией, отделенной долгое время от метрополии незаселенными, пустыми местами, и своим населением. Спрашивается, была ли в колонии своя собственная государственная власть, был ли Дон государством или провинцией царства. На этот вопрос нужно ответить: безусловно на Дону существовала своя собственная государственная власть и с 1549 по 1721 год Дон был государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела источником своим народную волю, и Донская колония представляла из себя республику“.

Так точно, ясно и категорически отвечает на вопрос — чем было Казачество в государственно-политическом смысле? — проф. Сватиков в своем капитальном труде „Россия и Дон“. Проф. Сватиков так отвечает на вопрос, на основании изучения исторических документов, а сами казаки также на него отвечают на основании веления сердца, повинувшись велению крови.

О том, что Дон был независимым государством свидетельствует и тот существовавший на Дону непременный закон о принятии казачьего подданства, в силу которого (закона) „чтобы стать полноправным гражданином Донской республики, нужно было быть принятым в казаки. Для этого требовалось заявление в Войсковом Кругу и согласие Круга. Далеко не все получали это согласие. Нужно было пожить на Дону, иногда лет 5—7, войти в местную жизнь, зарекомендовать себя, и тогда уже давалось разрешение на прием в казаки“ (Сватиков).

Как видите, требования очень близкие к требованиям, скажем, современной Франции относительно принятия французского подданства. Мало того, „в XVIII веке казак, пробывший много лет вне Войска, должен был просить станицу о дозволении ему жить в станице, „если от Войска будет милость на вступление его по прежнему в звание казака“. Уехавший в Москву казак, поселившийся там, становился уже „бывшим донским казаком“. Нужно иметь в виду, что это было не только пустой формальностью, за строгим соблюдением этого своего неписанного закона казаки следили внимательно, они ревниво охраняли свое имя. Например, „казачье Посольство в Москве, зимою 1640 г. спрашивало правительство: „для чего“ некий Ив. Поленов „живет на Москве и донским казаком называется“.

В настоящее время русские люди и некоторые „сановные“ казаки с понятным для нас скептицизмом относятся к исследованиям того периода казачьей истории, относительно которого русская официальная история предпочитает ничего не говорить (или сознательно извращает!), т. е. к вопросу о племенном происхождении казаков, об их этнической сущности, о периоде их полной государственной независимости. А раз „сама“ русская история ничего не говорит, то, понятно, для русских людей, уподобляясь религиозным сектантам — „дырочникам“, видящих свет только через свое историческое „окошечко“, все остальное — от лукавого.

Для нас сейчас не суть важно установление далеких истоков происхождения Казачества. Это — область чистой науки, заняться которой должны будут будущие молодые казачьи ученые. Нас сейчас не интересуют изыскания в области национального вопроса. Перед нами стоит одна определенная и современная задача: освободить страдающих под властью красной Москвы наших братьев, родное нам Казачество, возродить, воссоздать и усовершенствовать былое свободное и независимое казачье государство. А для достижения этой нашей цели, в борьбе за нее нам нужно не только наше внутреннее убеждение, готовность наша бороться, но также и понимание нас и сочувствие культурного мира, укрепление нашей политической позиции во внешнем мире. Для этого нужны так называемые исторические прецеденты, т. е. для обоснования наших политических позиций перед внешним миром, нам важно и нужно доказать, что Казачество в недалеком историческом прошлом жило самостоятельной государственной жизнью, внешней физической силой подавленной, что от этой своей государственной независимости казаки никогда не отказывались, за которую жертвенно всегда боролись, к которой и ныне стремятся.

С этой точки зрения книга проф. С. Г. Сватикова является замечательным и неисчерпаемым источником, убедительно доказывающим факт многовековой независимой государственной жизни Казачества, распространению и популяризации каковой книги должен способствовать каждый казак.

Делая настоящее сообщение, я преследую цели: установить факт очень продолжительного существования независимого казачьего государства, что за нас с таким знанием дела сделал проф. Сватиков, а затем —

проследить течение борьбы Казачества за свою независимость с Москвой, методы и способы борьбы последней с Казачеством и выяснить хоть некоторые причины столкновения Казачества с Москвою.

Итак, по утверждению проф. Сватикова, Донское Казачество с первой половины XVI ст. жило независимой государственной жизнью, форма которой подходила под современный республиканский строй. Само собой разумеется, что в XVI ст. культурный уровень народов, соответственно своему веку, был несравненно ниже современного. Следовательно, и технические построения казачьего независимого государства были примитивнее по сравнению с современной структурой государств. Если бы мы теперь стали прилагать мерки современных государств к независимому казачьему государству XVI века, то, естественно, многих существенных элементов современных государств там не нашли бы. Поэтому и рекомендуется, чтобы события и жизнь рассматривали в общей рамке эпохи, когда они происходили, а не переносить в нашу эпоху.

Вот почему для нас сейчас не важна степень совершенства государственной техники Дона XVI века, а важен самый дух, основные принципы и построения и управления общественно-государственной жизнью Донского Казачества, проникнутого от начала до конца идеей выборности, чистого народоправства, а с другой стороны, по словам проф. Сватикова, то что „казаки всегда, в течение всей своей истории, противопоставляли себя, донцов — русским, а Дон — Руси“, или, по утверждению Броневского (1830 г.), „отчуждение донских казаков от русских и теперь заметно“.

Нужно обратить внимание, что это „отчуждение казаков от русских“ Броневский увидел в первой половине XIX ст., т. е. через более чем сто лет после кровавого подавления казачьей независимости, в течение какого времени Москва и дубьем и рублем внушала казакам, что они русские люди.

Какой необычайной силой и жизненностью должно было обладать это особое казачье сознание, чтобы почти через полтора столетия безграничного подавления, казаки так ярко сознавали эту свою особенность. Эта сила казачьего духа нам еще рельефнее может представиться, если мы вспомним печальный пример необыкновенно тяжелой истории другого славянского народа, чешского, который почти в то же самое время попал под власть ему чуждого немецкого народа и примерно почти за такой же срок немецкого подавления чуть было окончательно не забыл свой язык, успел усвоить чуждую ему культуру, язык, а сами чехи начали было стыдиться называть себя чехами. Понадобилось два-три поколения выдающихся сынов чешского народа, их неустанная жертвенная будительская работа, чтобы оживить свой родной язык, пробудить и воскресить чешское национально-патриотическое сознание!

Двухсотлетнее систематическое внушение, духовный намордник — это страшный груз, освободиться от которого не легко. Это — та страшная сила капля, способная продолбить камень, о которой говорит поговорка. Но и эта страшная сила „капля“ не в состоянии была убить казачье сознание, которое и до наших дней сохранилось и хранится в душах и сердцах всех казаков, которые всегда говорили русским: „у нас, на Дону“, „у вас, на Руси; „мы — казаки, вы — русские“.

Такое противоположение повелось еще с тех далеких времен, когда северная граница Донского государства очень долгое время была совершенно отделена от границ московского царства незаселенной степью, когда казаки не имели никакого соприкосновения с русскими, ведя сношения между собою только путем снаряжения посольств (у казаков „Зимовые станицы“).

Англичане о положении в СССР.

... „С прошлого года многое изменилось на Украине, в Казачьих Землях и на Кавказе... И украинцы, и донцы, и кубанцы только и мечтают теперь об освобождении от большевицкого ига. Ссылаются на пример прибалтийских государств. Против Москвы ненависть большая“...

(„Возрождение“ от 23 ноября 1931 г.).

По этому поводу проф. Сватиков пишет: „таким образом, на 10) лет крайними южными пограничными (украинными) городами Московской Руси становятся Воронеж и Волуйки. К югу от них, по течению Дона, до нынешней Аксайской станицы („Кобяково городище“) и по левым его притокам, отделенная от Руси еще незанятой частью Дикого Поля, лежит Земля Донских казаков, страна „вольных казачьих городков“, „казачьево присуду“, или — говоря языком современного государственного права — Донская республика“.

Существует русская „теория“, что эта казачья республика была создана в начале XVI ст. бежавшими из пределов Московской Руси крестьянами-крепостниками. Но казачьи историки на основании неопровержимых исторических данных показали несостоятельность этой „теории“ и убедительно доказали, что на этой Казачьей Земле казаки жили издавна, много раньше, XVI-XVII веков, что зачатки общественно-народной жизни, позже принявшей форму казачьего народоправства, чистого республиканства, имели место много раньше; наконец, что беглые русские крестьяне по своим физическим и духовным свойствам, просто не были способны создать такую республику.

„На основании какого титула владели казаки своими землями?“ — спрашивает проф. Сватиков и отвечает: „на основании прав первого занявшего, на основании права завоевания... никто не даровал, да и не мог даровать Донскому Казачеству его территорию“.

Это, конечно, совершенно верно, ибо казаки занимали свою землю и жили на ней еще с тех далеких времен, когда их земля представляла из себя свободную незаселенную степь, беспрерывно, в течении многих веков, служившей ареной кровавых столкновений, войн грозных азиатских народов-завоевателей, а затем — могущественной в те времена турецкой империи, когда для жизни на этой земле нужны были действительно казачий дух, мужество, казачья организованность. Чтобы дорожить такой „опасной“ землей и цепляться за нее, нужна была казачья привязанность к родной почве, казачья любовь к могилам своих предков, нашедших вечное упокоение на родных берегах седого Дона. Нужно это было дипломатическое искусство для успешного лавирования в сложнейшей и жесточайшей военно-политической обстановке того времени, нужно было умение для приспособления и улаживания жизни с часто менявшимися степными завоевателями. Да улаживать так, чтобы от этого не пострадала казачья гордость, самолюбие, казачья независимость!

Путем дипломатической работы, но чаще своей жизнью и головами, казаки предки защищали и отстаивали свою древнюю территорию. И совершенно естественно, что эту, казачьей кровью орошенную, казачьими костями усеянную, казачью землю никто казакам даровать не мог. А если кто и „даровал“ казакам их же землю, так это известной породы люди, которые, осуществив на деле „принцип“: „все твое мое и мое — мое“ — потом так „раздро“ „жаловали“!

Само собою разумеется, в те времена, когда в большинстве случаев над всеми доминировало право силы, а не сила права, точно очерченной пограничной линии казачье государство не имело, но основная территория Донской республики признавалась всеми и называлась она страной „вольных казачьих городков“ землей „казачьево присуду“. Сколько было этих „вольных казачьих городков“ сначала на земле „казачьево присуду“, когда они были основаны, — точно установить трудно, но важно, что к половине XVII ст. их было до сотни. Эти казачьи городки в совокупности и составляли Донскую республику, в которой было полное равенство прав и обязанностей всех граждан. Эта республика, по словам проф. Сватикова, и „не была федерацией станичных общин. Все Войско владело в семи и землями, водами, рыбными долями, звериными гонами, лесами и прочими угодьями. Станицы казаков, жившие по городкам, были лишь подразделениями единого Войска, единой социальной и политической организации“.

Очень долгое время в Донской республике все граждане были свободны, все были равны, все были воинами, а в мирное время — охотниками, рыбаками, своеобразными торговцами (меновая торговля), скотоводами, а позже и хлебопашцами; все были объединены бесконечной любовью к своему отечеству, седому Дону, „любовью к свободе политической, религиозной и индивидуальной, свободе от тягла и принудительной службы, враждой к привилегированным землевладельческим классам, „лихим боярам“, отвращением к земледельческому труду, который вел тогда к закабалению работника..., казаки создавали трудовое товарищество, социальную общину и государственную организацию на началах равенства, свободы и братства“.

Пока в среде Казачества соблюдалось начало равенства, пока не произошло в его среде социально-имущественного и политического расслоения, пока все казаки были „равны между собою и в политическом и социальном отношении“, пока все они были едины в своем чувстве обособленности от остального русского народа; точнее — пока для всей казачьей народной массы выше и священнее всего был свой „казачий Бог“, дороже всего свое казачье „Я“, независимость и честь, пока все это было — сильно было казачье государство, на его права не каждый смел покушаться, а если были какие покушения, то они не проходили безнаказанно, авторитетом и силой всего единого Казачества пресекались в самом начале.

Но время и московская „казачья“ политика, основанная на принципе „разделяй и властвуй“ сделали свое дело. Нормальный ход общественного и культурного развития Казачества, естественное, долженствовавшее потом наступить в силу закономерного процесса жизни любого народа, его расслоение на отдельные социальные и политические „пласты“, в связи с московской „разделительной политикой, необычайно ускорились в своем темпе. Государственно еще не окрепшее, культурно недостаточно еще развитое, еще не имевшее своих писанных законов, еще не создавшее своего без перебора действующего налаженного государственного аппарата, бывшее пока что „типичной страной прецедента, обычая“ — Донское Казачество, благодаря Москве, слишком рано разделилось, выражаясь современным модным термином, на два „класса“:

„класс“ войсковой старшины, отрехившийся в значительной степени от своего „казачьего Бога“ и усердно начавший поклоняться Москве и

„класс“ рядового Казачества, всей народной массы, оставшийся верным „заветам старины“, „своему древнему казачьему обыкновению“.

Печальные последствия этого преждевременного, а потому болезненного, принесшего неисчислимые бедствия Казачеству разделения, как мы ниже увидим, не заставили себя долго ждать. Это третирование своего „Казачьего Бога“, к сожалению повторяется и в наши дни. И по истине „история повторяется“!

Я немного забежал вперед и коснулся вопроса о „войсковой старшине“, к каковому вопросу я еще вернусь ниже. Сейчас я веду свой рассказ к установлению непререкаемого исторического факта — продолжительного существования независимого казачьего государства в XVI-XVII в. в. — Донской республики. Этот факт с убедительной доказательностью установлен проф. Сватиковым в его капитальном труде по исследованию истории Донского Казачества. Пусть он не разделяет наших политических взглядов, пусть он является нашим политическим противником, но интересно и важно, что его научная беспристрастность принудила его так ясно и категорически сказать что действительно имело место в истории.

„Итак, — говорит проф. Сватиков, — Донская республика обладала своей собственной законодательной, исполнительной и судебной властью. Верховная власть внутри Войска Донского принадлежала Войсковому Кругу и его выборным органам. Она была непререкаема и суверенна. Таким образом государственная власть Войска Донского была таковою для Донского казачества, которое повиновалось ей не только за страх, но и за совесть. Все вступившие на территорию Войска признавали эту власть беспрекословно“.

Независимость этого казачьего государства и свое бессилие перед ним признали и все русские цари вплоть до Петра I. Так, например, в 1574 г. царь Иоанн писал хану Крымскому: „казаки Донские не по нашему велению на Дону живут“. Тоже повторяли и следующие цари.

— В 1647 г. царь Алексей Михайлович писал, что казаки „живут в тех местах (на Дону) ис стари кочевым образом... а нашего царского повеления не слушают“...

Приведа выдержки из царских писаний, проф. Сватиков от себя добавляет и утверждает: „я считаю, что Московские бояре, писавшие отписки в Крым и Константинополь, ничуть не кривили душой, говоря о казаках... что Дон не слушается повелений царских. Войско Донское, действительно, не слушалось царя, и по очень простой причине: оно считало себя и было на самом деле отдельным государством. Оно плохо слушалось внушений Москвы и оказывало услуги Москве по своему изволению, а не по царскому приказу“.

Эти царские отписки — лишнее доказательство о казачьей государственной независимости. Но было бы ошибочным предположить, что это независимое казачье государство образовали вдруг, в течение короткого времени, „воры“, „холопы боярские“, беганшие из пределов Московского царства, как любят утверждать русские историки, хотя их утверждения опровергаются авторитетнейшим лицом — самим русским царем Алексеем Михайловичем, который пишет, что казаки „живут в тех местах ис стари кочевым образом“.

Я в своем сообщении „Чем было Казачество“ высказал предположение относительно этих „беглых русских людей“, якобы, заложивших начало Вольному Казачеству в первой половине XVI ст., допустить что и согласиться с чем просто невозможно по многим причинам.

Можно было бы привести свидетельства русских же людей о том, что у русского крестьянина только к концу XIX ст. едва только начинало расти сознание человеческого достоинства, чувства личности. А что же говорить об их предках, живших четыреста лет раньше!

Следовательно, „теорию“ о создании свободного, независимого казачьего государства в начале XVI ст. „беглыми холопами боярскими“, мы можем считать не выдерживающей никакой абсолютно критики. Прав русский ученый Ознобишин, когда он эту русскую „теорию“ называет „басней“, „одной фантазией“. Не менее прав и другой ученый, Николай Полевой, утверждающий, что „малороссияне, белорусы, казаки и прочие — не русские“, что они „какая то особая народность и местность“...

Теперь уже можно с совершенной достоверностью говорить, что казаки на своей земле своей особой государственной жизнью жили еще до и во все время владычества монголо-татаров, сохраняя некоторую свою независимость, входя с ними в союзные отношения. Но в конце XIV и в начале XV ст. территория Донского казачества последовательно подвергалась нашествию новых завоевателей Тахтамыша и Тамерлана. Под натиском этих завоевателей, часть казаков переселилась на север в пределы лесной полосы, в непосредственное соседство с Московским и Рязанским княжествами, на окраины и пределы их, но часть все же осталась на своих старых местах, забравшись в глухие, малодоступные места.

Вот эти ушедшие в пределы Московского царства казаки при первой возможности возвращались к своим родным берегам, на Дон, к своим оставшимся на Дону „родимцам“, как и мы сейчас тоскуем по Родине и при первой возможности полетели бы туда.

Вот как раз этих то донских казаков, первых казачьих эмигрантов, возвращающихся на Родину, русские историки и принимали за „беглых холопов боярских“. Конечно, нет никакого сомнения, что к этим возвращавшимся из пределов Московского царства на Дон казакам присоединялся некоторый, может быть и довольно значительный, процент русских людей, узнавших о привольной казачьей жизни на Дону из рассказов казаков эмигрантов, приходили с ними на Дон и делались потом казаками, постепенно усваивая гражданские и боевые качества казака, подражая ему, копируя его.

(Продолжение следует).

В. П. Елисеев (В. Петров).

„Великий Палач“.

(Окончание статьи „Кто виноват?“).

Ночуя в хуторе, я видел сон. Мне снился какой то очень большой и незнакомый мне город. Город, казалось, был, как город. Но что мне сразу бросилось в этом городе в глаза, так это необыкновенная, прямо таки, режущая глаза его белокаменность и особенная многочисленность его церквей. Нельзя, правда, было сказать, что все дома (и церкви) этого города были из одного белого камня, но общее впечатление было именно таково! А из за многочисленности церквей, я сначала этот белокаменный город признал за монастырь, но потом, взглядевшись внимательней, я все же пришел к тому заключению, что это не монастырь, а самый настоящий город, золотые кресты церквей которого, отливаясь на солнце, играли красивым, золотым оттенком.

И куда было ни глянь — кресты, кресты и кресты. — Святости-то, святости сколько, — думал я, благоговей перед крестами...

И вот, когда я благоговел перед святостью крестов, то в это самое время с этими крестами ни с того, ни с сего (ведь, приплетется же...) произошло что-то совсем и необыкновенное и странное. Кресты, сколько их было, все до одного оторвались от церковных глав и, оторвавшись, повисли в воздухе, на подобие кружившихся на месте птиц-жаворонков, например. Но это бы еще ничего, что кресты стали зачем-то летать в воздухе, как птицы, а вот меня что особенно удивило. Я увидел на каждом кресте откуда-то взявшиеся странные фигуры. Странное дело, — подумал я. Были кресты, как кресты да еще каким благоговением меня к себе притягивали. А теперь, не то кресты, не то мет-

лы, а на них сидящие верхом не то люди, не то сами ведьмы...

И только так подумал, как увидел (для меня высота почему-то не являлась препятствием, чтобы видеть), что одна оседлавшая крест фигура мне не то грозит, не то что-то показывает — старается обратить на себя мое внимание. Присмотрелся — и кого же увидел? — Рыбакова Митрофана (недавно поселившегося в нашем хуторе и большого сторонника „трудовой власти“). Сидит Рыбаков Митрофан верхом на кресте и ухмыляется. — Смотри, мол, на какую недосыгаемую высоту я поднялся. Пожил вместе с тобой в одном ничтожном хуторе — и довольно. А теперь, вот, рею в поднебесьи, над самыми главами (вернее, на самих главах) „града белокаменного“...

— И зачем это нужно было Митрофану взобраться верхом на крест? — думал я, удивляясь Митрофановой отчужденности от хутора. — Ведь, мы, бывало, не успеем притти в воскресенье из церкви, как уже опять „убираемся“ на ток, в поле. Так это хочется побыть, хотя в праздничный день, дома, посидеть в холодочке, отдохнуть, хотя немного, но нет — нельзя. Не только, что взрослым, но и нам, детям, заказано строго-настрого не опаздывать — к „подвечеркам“ всем быть в сборе. Купаешься в Хомутке, а сам смотришь на солнце, помня наказ отца... Всегда прежде чем выехать из хутора, отец заезжал записаться на неделю „махоркой“. К Митрофану Рыбакову — в лавку. Вот тут-то я и завидывал особенно Митрофану. Я его представлял счастливым из счастливых. Мы спешим на ток — на жару

да на тяжелую работу, а Митрофан сидит себе вольготнее в холодильнике, под вишенкой, да чаек попивает. Смотрю я на него с нагруженного харчами развода да так ему завидую, так мне хочется быть Митрофаном.

И вот, пойдя же, — оказался Митрофан неблагоприятным, недовольным своей вольготной жизнью в хуторе... Как только началась „свобода“, ударился в горячие сторонники „трудовой народной власти“. Пошел за „народ“, а про хутор забыл... В самый короткий срок прошел все должности Кукуевского (соседнего иногороднего хутора, комитета, потом куда-то вовсе исчез из хутора и теперь, вот, так высоко поднявшись, реет на кресте „града белокаменного“. Достиг своего, — потому и ухмыляется так довольноно...

На другом кресте увидел (тоже сидящим верхом) известного на всю станицу конокрада и заплечных дел мастера, Никишку Иногороднего (настоящей фамилии его не знали, а все его называли Никишкой Иногородним). Тоже, как орел, парит на церковном кресте в поднебесьи во всем своем Никишкинском величии. „Поднялся“ и он... Ну этому простительно... Этот может не только, что не любить хутор, но может быть и неблагоприятен ему, даже может быть и зол на хутор. Потому что я сам видел, как однажды, уличив Никишку в конокрадстве, хутор оставил его чуть-чуть живым. Неблагодарность, зло и даже месть Никишки мне понятны без всяких оговорок...

На третьем кресте признал Булатова Костю, казака и не плохой семьи. С этим когда-то вместе учительствовал. Парень был не глуп, но распутен и легок на выпивку. Был всегда какой-то пасмурен и на все озлоблен. Озлобленность эта сидела в нем и в сердце и во всем его теле. Она его и испортила. Костя считал себя способным на что-то гораздо большее, чем учительство. Будучи пьяным (а он от пьянства и не просыпался), пытался писать о слишком высоких материях, озаглавливая их такими „учеными“ названиями, как „Ум“, „Душа“, „Сила“... Летом ходил по хутору босым („как Толстой“, — говорил он). А я знал, что в нем не столько было „Толстовского“, сколько „Горьковского“, которого он, в действительности, считал „богом“. В общем, его место было не в школе, а в корчме — среди героев „На дне“... (К слову. Достигнув у большевиков поста градоначальника города Ростова, он умер от пьянства. — Из писем из дому В. Е.). Знал Костю раньше, я ничуть не удивился, увидев его на „одной высоте“ с Митрофаном Рыбаковым и Никишкой Иногородним...

Махали и ухмылялись мне с каждого креста. Но те все были мне совершенно незнакомые, никога мною невиденные.

Кресты, конечно, потускнели — не играли больше своим золотым переливом на солнце. Их всех поосадили такие люди, как Рыбаков Митрофан, Иногородний Никишка и Булатов Костя, от которых потускнеют не только кресты, но и сам ясный божий день обатится в беспросветную ночь...

Так оно, действительно, и случилось... Взвзвизывая откуда-то необыкновенно черные тучи вот-вот, казалось, закроют собой бывшее до того совершенно чистое и ясное небо; подул сильный с грозой ветер; застыли даже самые толстые деревья города, испуганно прижавшись к земле; затрещали ломаясь в воздушной выси, кресты церквей, а люди сидящие на них верхом, бросаясь ветром из стороны в сторону, тряслись, как лист на дереве, но все же, как было видно, не робели. Загремел где-то за городом, позвывая, как в чугуи, гром. Казалось, что день ни с того, ни с сего кончался, и должна наступить ночь...

— Какая перемена, — подумал я. — И от чего бы это?..

Но в этот, как раз, момент люди, трясущиеся на крестах, в диком и, как мне казалось, довольном — неистовстве отчаянно завопили:

— Волокут! Волокут! И он! Он, сам идет! Он — „Великий Палач“!.. И дружные, с дикими выкриками, аплодисменты потрясли разряженный перед бурей атмосферным электричеством воздух.

Я всегда боялся не только видеть самого палача, но даже произносить слово „палач“. И потому, когда услышал, что идет не только палач, а „Великий Палач“ (существуют, значит, на свете, — подумал я, не только палачи обыкновенные, но и „Палачи Великие“), то подо мной от страха подкосились ноги (вернее, нога, потому что, хотя мне и снилось, но я знал, что стою не на ногах, а на единственной своей ноге)...

— Волокут! Волокут! — неистовствовали „кресты“.

— Кого волокут? Куда? Зачем? — спрашивал я сам себя, дрожа и от страха и от обледеневшей мою душу холода. Но мне уже не нужно было чьего либо ответа. Я сам увидел. И что же увидел? Или, вернее, кого же увидел?.. Волокли (не ввели, а именно волокли) Ивана, его отца — Семена Чирикова, Авилова Александра и еще какого-то одного человека... А впереди их гордо и уверенно (с видом полного довольствия и даже торжественности) шел он — „Великий Палач“... Я узнал его по красно-белой рубахе (я слышал, что палачи в момент экзекуции носят красные рубахи. Но красную рубаху, — подумал я — носят, видно, палачи обыкновенные — простые, а „Палачам Великим“, вероятно, присуща рубаха красно-белая. — На то они и „Великие Палачи“)... На морде „Великий Палач“ имел красно-белую повязку (форма, значит, такая — убедился я окончательно), свесившуюся вниз на подобие чулка или самого слоновьего хобота. „Великость“ и могущество „Великого Палача“ довершал находящийся в его руках невиденных мной размеров огромный не топор, а, прямо-таки, топорщик. — Большому кораблю большое и плавание, так сказать...

— С кого начнет? С кого начнет? — Бурлили расбушевавшиеся, нетерпеливые „кресты“, сгорая в диком возбуждении скорей увидеть „начало“...

„Великий Палач“, поднявшись на откуда-то взявшиеся деревянные подмости, приветствовавшим его „крестам“ самодовольно улыбнулся, потом важно расправил красные хищно торчащие в разные стороны усы и величественно поглядел на топор...

„Кресты“ загудели еще возбужденней. Поднялся целый я не то галдеж, не те ликование. Один только я не ликовал и, дрожа, как в лихорадке, поднял глаза вверх... на „кресты“... Должно быть думал просить у них защиты... Но обескураженная не только полным ко мне невниманием, безразличностью к моему страху, а даже полным ко мне презрением со стороны „крестов“ (а про самого „Великого Палача“ и говорить, конечно, нечего), моя голова снова упала вниз. Безнадежно было убеждать „кресты“, если они так ликовали...

Первым на подмости к „Великому Палачу“ вволокли Семена Чирикова и того четвертого, который, как оказалось, был хоперец. Тот самый хоперец, который убил в Слободкином хуторе Семена Чирикова.

„Великий Палач“ каждому из них дал по топору и, отойдя в сторонку, что-то им приказал.

Семен и хоперец, замахав топориками, сердито набросили друг на друга. И топорики звонко и отчетливо забарабанили по их головам среди замерших от сладкого удовольствия „крестов“ и хотавшей стражи (тех людей, которые приволокли моих знакомцев, я посчитал за стражу). А сам „Великий Палач“, взявшись за живот, не хохотал, а, прямо-таки, ржал от удовольствия. Ржал до слез...

Американцы о положении в СССР.

Министерство торговли САСШ открыто предупредило американские фирмы, торгующие с сов. Россией, чтобы они при своих торговых операциях с большевиками, требовали или уплаты готовых или обмена товарами, но не давали своих товаров в долг, т. к. по сведениям американского правительства СССР приближается неминуемо к финансовому краху.

(Из иностранных газет).

Долго потешался над Семеном и хоперцем „Великий Палач“. Потешался до самых тех пор, пока и Семен и хоперц, не обессилив, не повалились на залитые их же кровью деревянные подмостки.

Тогда „Великий Палач“, подняв величаво над лежащими на подмостках Семеном и хоперцем свой топор и вскинув гордо-торжествующий взгляд на „кресты“ и стражу, как бы ища себе всеобщего внимания, высоко его занес над собой (вероятно, с умыслом, чтобы лучше видели его „великость“)...

„Кресты“ и стража, влившись жадно в топор „Великого Палача“, омертвели. Омертвели от предстоящей им наивысшей сладости...

Взмах!.. Взмах от которого засвистел в ушах ветер. И две с стеклянными глазами головы, отхваченные точно бритвой, отскочили от своих тел...

От поднявшегося страшного гула затряслась земля...

— Помирил! — торжественно и коротко объявил „Великий Палач“, показывая всем две окровавленных головы...

— Помирил! Помирил! — галдело, смеясь, кругом...

— Следующего! Следующего! — неистовствовали неудовлетворившиеся и „кресты“ и стража в диком энтузиазме.

— Следующего! Следующего!..

А мне, не видевшему и нечувствовавшему в „Великом Палаче“ той „великости“, которой так горячо были охвачены и „кресты“, и стража, и сам, больше всех польщенный своим успехом „Великий Палач“, мне трясущемуся в невиденном мной никогда таком страхе и ужасе, казалось, что эти бесстрашные люди кричат не следующего! Следующего!

А — распни! Распни Его!..

Следующим оказался Александр Авиллов. С ним предварительной потехи никакой не было (вероятно, потому, что он был один). Как только Александр Авиллов появился на подмостках, к нему подошел „Великий Палач“ и, ласково похлопав его по плечу (не робей, мол, станичник), взялся за топор.

Галдеж в ожидании нового, всех очаровавшего момента, затих.

Нельзя было точно определить, что было с Александром Авилловым...

Или он ненавидел и проклинал „Великого Палача“, или он о нем и не думал и молил только Бога, чтобы скорей умереть. Сквернейшее самочувствие, когда сзади жeba висит занесенный топор, который каждую секунду может тебя поласануть по шее. Говорят, что в такие секунды жизни мало кто не сходит с ума... Может быть, и с Александром Авилловым это же самое случилось, потому что он, стоя под топором живым, не подавал никаких признаков жизни — даже страха не обнаруживал перед неизбежной смертью. Стоял смиренно и спокойно. „Великий Палач“ на его глазах к нему прицеливается, а он стоит, хотя бы тебе что — и глазом не моргает...

Наконец, высокозанесенный топор, описав ловкий полукруг, свалил смиренно стоящего Александра с ног... „Великий Палач“, взяв на руки черную, кучерявую голову Александра, показал и ее всем — и „крестам“ и страже...

Воздух загудел от рукоплесканий и дружного галдежа. Казалось, что „Великий Палач“ был артист, знаменитый артист, а „кресты“ и стража восхищавшаяся его успехом, — публика...

Но это так только казалось. А поверить этому было никак нельзя, ибо было так страшно, что я все время молил Бога, чтобы скорее наступила ночь (а она, как на грех, казалось наступает, а сама никак не могла наступить), чтобы я мог незамеченным оставить это страшное, „великое торжество“, на которое я попал, сам не зная как, но на котором я должен был почему-то обязательно присутствовать — этого требовали всеобщее уважение и почет „Великого Палача“... Да и не только, что должен был присутствовать, но должен был — как и все — восхищаться, восхвалять, радоваться „искусству „Великого Палача“ — искусству рубить головы. Почему я, не апладируя, и оглядываясь с боязнь по сторонам, чтобы не быть замеченным в нерадении к „Великому Палачу“...

Знал, что и я могу очутиться на подмостках „Великого Палача“, как Семен с хоперцем и Александром Авиллов... И еще гораздо скорей, легче, чем они... Ибо, ведь, Семен Чириков, так или иначе, а раз уже умирал ради „славы“ „Великого Палача“ (разделял ли он эту „славу“ или нет, но был же обвинен в ней хоперцем и даже наказан им за нее смертью), и то Семену не почиталось в заслугу. — Сама смерть и то не причислила Семена „к лику разделяющих „славу“ „Великого Палача“ — разделяющих „идею“ „Великого Палача“... А я то что ему, „Великому Палачу“? — И пальцем ради его „идеи“ не ударил... Разве только в эту „идею“ колышки, спицы вставлял...

Хоперц тоже (и не менее Семена) казалось, должен был сыскать к себе расположение „Великого Палача“ (он же убил Семена — помог „идеи“ „Великого Палача“), но и этого тоже не было видно, ибо „Великий Палач“ обезглавил как одного, так и другого... „Помирил“... Где ж там мне после этого надеяться (если чемнибудь сам себя выдам) на спасение, на милость „Великого Палача“. Александр Авиллов не уцелел... А он — если уже на то пошло — имел все шансы на лицо. Ведь он среди бела дня — марку, так сказать, видную имел — и на глазах всей станицы был окрещен верным слугой „Великого Палача“ — „большевиком“... Ведь сам станичный атаман наклеил на него этот ярлык, выпустив в него барабан пуля, а и то не угодил Александр Авиллов „Великому Палачу“ и то не заслужил у него, бессердечного, пощады... „Великий Палач“ и его не признал за „своего“. „Великий Палач“ оказалось лучше знал и хоперца и станичного атамана — „большевики“ ли Семен и Александр Авиллов или они — „не большевики“ — „чужие“ ему. Видно, что для „Великого Палача“ не было важно, что они умирали тогда, ради его имени. Нет. „Великий Палач“ исходил только из того — „чьи“ они были. То-есть „его“ ли или они ему „чужие“. И если он их теперь сам, собственноручно обезглавливает, то значит, что все они им рассматриваются, как „чужие“...

Уверен, что если бы „Великому Палачу“ попался бы сейчас станичный атаман, так демонстративно убивший Александра Авилова, то „Великий Палач“ — на потеху всем — проделал бы с ним ту же самую шутку, какую он проделал над Семеном и хоперцем — заставил бы и станичного атамана и Александра Авилова тикать друг друга топориками по головам. И они бы тикали, а „Великий Палач“, взявшись за живот, надрылся бы от смеху... А потом, насмеявшись, сделал бы „великий“ взмах и показал бы обезумевшей от удовольствия публике и их головы. Вместо одной, Александровой, головы показал бы две — голову станичного атамана...

Но, Боже! Ведь, я видел, что вместе с казенными волокли и Ивана, Ивана Чирикова... Неужели же и ему „Великий Палач“ отхватит голову?.. Ему — Ивану?..

Ему по воле или против воли (но, ведь, я говорю о фактах!), а оставил свой родной 76 полк, своих хуторцов, своего соседа взводного? Который (опять — факт!) изменил не на предположениях (как было с его отцом и Аласандром Авилловым), а на ясном деле (факте) — переходом на службу к „Великому Палачу“? Неужели же и ему, Ивану, „Великий Палач“ отрубит голову?.. Ему, который, служа „Великому Палачу“, быть может убил своего малолетнего братишку, Федюшку, взятого на службу противниками „Великого Палача“ вместо ушедшего Ивана? Ему, из-за которого повесилась его жена, Покутя, и из-за которого она живьем задушила в своем чреве Иванова кровного сына? Ему, из-за которого теперь на Чириковом курене висит страшный, черный замок и из-за которого опустел, „развалился“ сам Чириков двор?..

Неужели же?.. Ведь человек к нему с услугой, а он к человеку — с топором?.. Ведь там теперь у Ивана ничего и ничего не осталось. Там он чужой. И еще презираемый всеми. А тут тоже, как видно, не снижал уважения... Неужели же никакие ни муки, ни физические и нравственные страдания не спасут Ивана?..

Или „Великий Палач“ обо всем этом и головы не ломает?.. Или он „верность“ Ивана записал на черной доске в самый тот день, когда Иван родился?.. Поло-

жил ему в примечании отметку — „хоть ты и Иван, а казак“... И теперь этой отметки „Великого Палача“ не сотрешь никакой „верностью“?... Вероятно, так. Иначе совершенно нечем объяснить непримиримость и жестокость „Великого Палача“...

Приволокли четыре человека — и все казаки. Да еще те казаки, которые не только думой или словом, но и делом зафиксировали ту или иную „верность“ „Великому Палачу“... А что же тогда сказать о тех, которые стараются выхватить топор из рук „Великого Палача“ для того, чтобы, если уже не отрубить им ему головы, то по крайней мере, его обезоружить — обезвредить, чтобы самим не быть обезглавленными им, чтобы можно было жить в спокойствии?..

Как думал так и вышло...

„Великий Палач“, действительно, базировался только на примечании черной доски („хоть ты и Иван, а казак“); видно было, что никакой „казацкой верностью“ нельзя было донять „Великого Палача“. Единственный исход — надо было родиться или Митрофаном Рыбачковым или Никишкой Иногородним (а Костя Булатов, если не сейчас, то позже, а все равно угодит на эти подмостки, — уверен), чтобы снискать почет и уважение „Великого Палача“...

С Иваном „Великий Палач“, как оказалось, был даже гораздо строже (вернее, жадней, более хищным), чем с его предшественниками.

„Великий Палач“ походил на горького пьяницу, который не пьет весь стакан алкоголя сразу, а, пропускающая оживающую ему внутренности крепкую влагу по маленькому глоточку, вместе с тем жадно и сладко смотрит на стакан... смотрит и млеет от того благодушия, которое он при этом ощущает... И правильно. Горький пьяница, поступаая так, испытывает прелесть алкоголя вдвойне — и глазами и нутром...

Такового мнения, повидимому, на этот-раз придерживался и „Великий Палач“. „Многовековая практика“...

Сколько уже раз „Великий Палач“ делал над головой Ивана чудовищной красоты и лихости взмахи и сколько уже раз опьяневшие от „искусства“ „Великого Палача“ и „кресты“ и стража готовы были пасть ему под ноги, в надежде увидеть в его руках очередную голову Ивана. А „Великий Палач“, даже не дотрагиваясь (что значит „великость“!) лезвием до шеи Ивана, во время и ловко отхватывал топор назад и, отхватив, уже держал его в том положении, откуда он начинал свой взмах. Тогда „кресты“ и стража, не удержавшись, ахали от разочарования...

Так „Великий Палач“, расжигая аппетит обезумевшей и озверевшей публики (видимо, и сам собой восхищаясь), делал много, много раз над бедным, поруганным и осмеянным Иваном. Оплеванному Ивану, конечно, ничего не оставалось как только, молча, ожидать над собой конца игры „Великого Палача“... И он его несчастный ожидал...

Наконец, „Великий Палач“, наигравшись вдоволь над беззащитным Иваном, а также, вероятно, и убедившись в безупречности взятого им на Ивановой шее придела, решил таки, повидимому, в серьез поласнуть по давно

уже притягивавшей все его внимание Ивановой шее. Так, по крайней мере, почувствовал я. Так почувствовал, как я видел, и „кресты“, и стража, давно уже чаевшие свежей крови... Так оно и случилось бы, ибо „Великий Палач“ уже взмахнул. Взмахнул решительно... Случилось бы... если бы в этот самый момент не ударил гром с такой оглушительной силой, от которой фигуры сидящие верхом на крестах, посыпались на землю, как орехи. Никишка так неожиданно низвергся с своей „высоты величия“, что аж екнул, хлопнувшись о землю. Стража тоже в панике пустилась в рассыпную...

Душившийся, спертый воздух, наконец-то, разрядился. Итак, что гром не гремел, а бил; змеобразные ленты молнии своим резким огнем ожигали глаза, и от бушевавшей над городом бури стонала и тряслась земля...

Все в страхе бежало, куда попало.

Только один он, „Великий Палач“, как занес топор над головой Ивана, так и продолжал с ним стоять на подмостках эшафота. Все в этой же „решительной позе“...

— Что за история с ним вышла? — удивился я, влив глаза в застывшую на месте черную фигуру „Великого Палача“...

Иван, между тем, был жив. Он удивленно оглядывался по сторонам и, потягиваясь, как бы после глубокого сна, разминал плечи и кулаки. Иван был жив...

А вот с „Великим Палачем“, действительно, какая-то история вышла. Стоит, как каменный, как истукан — и баста...

— Уж не гром ли усмирил его? — зародовалась моя душа. Иначе, чего бы ему, оставшемуся одному, красоваться столько времени своей „великой“ позой?..

С „Великим Палачем“, действительно, „вышла история“. От очередного удара грома он грохнулся на подмостки, как камень, как подгнивший телеграфный столб. Так как все расбежались, то „Великого Палача“ некому было и пожалеть...

А с людьми и Богом, значит не шути. Хоть ты и „Великий Палач“, а погиб... Получил возмездие, если не от людей, так от Самого Бога...

— Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля Славы Твоея, — шептала могущественные слова молитвы не спавшая мать...

На дворе была гроза. В зияющей темноте ночи, ослепляя глаза, сверкала молния и гремел, потрясая курень, позвякивая сталью, гром. Была, как я догадался, „воробьиная ночь“...

— Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, — подхватил за ней, боязливо взглядываясь в ночную темь, и я...

Этой страшно бушевавшей грозе казалось не будет конца, но все же и она прошла — утихла, успокоилась.

И начинавшийся в хуторе тихим и солнечным утром сентябрьский день и грел, и веселил, и ласкал...

Совсем бы было хорошо, если бы только хутор не был так пуст и пришиблен...

А. Ленивов.

Казацье печатное слово за границей (1919—1931 г. г.)

I. ПРЕССА.

Пребывание казацкой эмиграции за границей имеет не только отрицательное значение, но являет собой и положительную сторону, в частности в деле развития свободного казацкого печатного слова. В понятие „казацье печатное слово“ мы кладем следующие три основных элемента: 1. пресса, 2. книгоиздательство и 3. библиография. В трех последовательных очерках мы и дадим общее представление последовательного развития казацкого печатного слова за границей.

Под именем „пресса“ будем понимать все периодические и непериодические печатные и рукописные издания, как газетного, так и журнального типа, именно:

1. газеты (ежедневные, еженедельные, ежемесячные, однодневные и т. д.);
2. журналы (еженедельные, двухнедельные, ежемесячные, иллюстрированные, литературные, политические, юмористические и т. д.);
3. ежемесячники (научные, литературные и т. д.);
4. информационные бюллетени (официального, служебного, осведомительного, делового и т. д. характера);
5. периодические брошюры и т. д.

Настоящий очерк посвящен исключительно описанию развития казацкого печатного слова за границей в период 1920—1931 г. г.

Первым по времени печатным органом, издававшимся казацкой эмиграцией, является „Информацион-

ный Листок Донского Лагеря на Лемносе". Известно, что Донской корпус после своего прибытия из Крыма на Константинопольский рейд, был высажен на берег (пристань Сиркеджи) посажен в вагоны и перевезен в район старых Чаталджинских укрепленных позиций, где и был размещен в лагерях при селениях: Кабаджа, Санжак-Теле, Чилинбир и т. д. Отдельные Донские части, кои по случайным обстоятельствам не попали в район Чаталджи, были перевезены морем на о. Лемнос, где и были размещены лагерем в урочище Калоераки (на берегу Мудросского залива). В последних числах декабря 1920 г. началась перевозка Донских частей из урочища Калоераки к г. Мудросу (на катарах через Мудросский залив), где и начал образовываться т. н. „Донской Лагерь“. Спустя некоторое время, из Турции (район Чаталджи) в „Донской Лагерь“ на о. Лемносе, прибыли морем почти все части Донского корпуса, именно 1-ая и 2-ая конные дивизии, а также и 3-ья пешая дивизия. И вот здесь на о. Лемносе в невероятно тяжелой, подчас просто кошмарной обстановке (напр.: совершенная изоляция от всего мира), островное положение, отсутствие газет и журналов, снятие французами корпусной радиостанции и т. д.) народился первый печатный орган казачьей эмиграции за границей, именно „Информационный Листок Донского Лагеря на Лемносе“. Листок этот печатался на пишущих машинках в штабе Донского корпуса (Информационное бюро) в количестве всего десяти экземпляров и расклеивался по лагерю на специально поставленных досках, в местах наибольшего скопления казаков (корпусной кооператив, питательный пункт, пристань, лазарет д-ра Нечаева и др.). Листок редактировался г. Куницыным и содержал отделы: официальный (приказы и распоряжения) и информационный.

Подобного-же характера печатный орган был создан и при штабе Кубанского корпуса, расположенного в урочище Калоераки, под именем: „Информационный бюллетень Штаба Кубанского корпуса“.

Несколько позже в „Донском Лагере“ стал издаваться и „Вестник Донского Лагеря“, трудами и заботами Информационного бюро при штабе Донского корпуса. „Вестник“ выпускался в изрядном количестве экземпляров и рассылался по всем казачьим частям: необходимо отметить, что „Вестник“ являлся официозом штаба Донского Корпуса, благодаря чему и содержание его было чисто официальное.

В описываемое время (рубеж 1920—1921 г. г.) появился и „Донец“ — рукописный журнал кадет Донского Калетского Корпуса, эвакуированного англичанами непосредственно из Новороссийска в Египет (Camp of the Don Kadet Corps около г. Измаилия на берегу Суэцкого канала). Аналогичный момент по времени издания, необходимо усматривать и в отношении „Атаманца“ — рукописного журнала юнкеров Атаманского Военного училища, а также и рукописного журнала Кубанского Военного училища.

В добавление к указанным рукописным журналам, необходимо причислить „Дон“ — рукописный журнал группы Донских казаков, пребывавших в лагерях на о. Лемносе, а равно и „Донской Маяк“ — историческо-литературный журнал, печатавшийся на шапирографе и издававшийся под редакцией г. Рязанского в Турции (лагерь Кабаджа — 18-ый Донской Георгиевский полк, Донской Технический п. и Калмыцкий Дзюнгарский п.).

С августа 1921 г. по май 1922 г. в Варшаве издается еженедельная газета „Голос Казачества“ под редакцией теперешнего редактора „В. К.“ И. А. Билого и при ближайшем участии тов. пред. Донского Войскового Круга полк. М. Н. Гнилорыбова. Политическое направ-

ление газеты носило определенно самостийный характер.

В конце 1921 г. появился журнал „Казачий Сборник“ под редакцией полк. Карташева. Сборник издавался в казачьем лагере Лихтенберг в Померани (казаки из красной конницы Буденного, интернировавшиеся на германской территории) и имел явно монархический оттенок.

От начала 1922 г. в Софии (Болгария) стала выпускаться газ. „Казачье Слово“, которая и явилась официальным органом Донского Правительства, ведшего в оное время подготовительную работу по организации Донского казачьего съезда в Болгарии. В конце февраля 1922 г. в Софии появилась газета „Казачьи Думы“ под редакцией С. Пинуса. Газета эта явилась преемницей „Казачьего Слова“ и сообразно этому имела чисто официальный характер, считаясь официозом Донского Правительства.

С 1922 г. в Праге (Чехословакия) выходит неперIODическая газета „Казачья Лава“ вначале под редакцией Б. Н. Уланова (всего вышло четыре номера первый № вышел в 1922 г., последний в 1927 г.). Газета эта была печатным органом центрального комитета „Союза Возрождения Казачества“ — (Пражская организация казаков примыкающих к русским эсерам). В том-же самом году (1922 г.) в Праге издается и „Информация Об'единенного Казачьего Комитета и Общеказачьего сельско-хозяйственного союза“.

В 1923 г. появился журнал „Казачьи Думы“ под редкцией С. Пинуса (выходил в 1923 и 1924 годах). При этом журнале издавался и „Осведомительный Листок журнала Казачьи Думы“. Как журнал так и листок являлись официальными органами Донского Правительства. Журнал „Казачьи Думы“ дал на своих страницах — много исторического материала, отразив (с своей точки зрения) главным образом события периода 1917—1920 г. г., имевшие место в Казачьих Краях. Это обстоятельство придает журналу „Казачьи Думы“ несомненную ценность в историческо-библиографическом отношении.

В 1923 г. в Праге вышел „Казак на чужбине“ журнал Донской студенческой станицы, который этим единственным экземпляром и ограничил свой выход в свет.

Приблизительно около этого времени, в г. Белграде (Юго-Славия) вышел периодический сборник „Вольная Кубань“, явившийся официозом Кубанского Представительства. До 1-го мая 1929 г. „Вольная Кубань“ представляла собой гектографированное издание, после этого времени стала печататься в типографии (Кавказский Казак“) — на правах рукописи: к 1-му июля 1931 года вышло всего 96 номеров „Вольной Кубани“.

Здесь же в Белграде и Терское Правительство регулярно выпускало „Информацию Терской канцелярии“ — („Терский Казак на чужбине“). С февраля 1931 года „Терский Казак на чужбине“ не выходит, вследствие недостатка средств у Терской канцелярии. В 1923—1924 годах (ноябрь-июнь) в Париже выходит газета „Казачье Слово“ печатный орган монархического направления, издаваемый „Общеказачьим Об'единением“ — (ген. ген. Граббе, Краснов, Сычев и др.). К 1 июля 1924 г. вышло всего 7 номеров „Казачьего Слова“.

В 1924 г. в Париже издается „Информационный листок Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терка“, первые семь номеров коего были набраны на гектографе, далее (включительно по двенадцатый номер) отпечатаны в типографии. В том-же 1924 г. кадеты Донского Кадетского корпуса, расположившегося в г. Билече (Сербия), издают рукописный журнал „Казак“.

О настроениях русской эмигрантской молодежи.

... „Быть может неожиданно для нее самой (т. е. русской молодежи. Ред.) „ров“ между нею и „комсомолами“ чьей то искусной рукой начинает засыпаться. Сегодня еще не говорится: коммунизм лучше капитализма“; еще провозглашается формула: „ни капитализм, ни коммунизм“. Но завтра, может быть, одобрят „исправленный коммунизм“... Это настроение... становится просто „знаменем времени“.

(„Возрождение“ от 23 ноября 1931 г.).

От 1924 г. и по настоящее время в Праге издается „Казачий Сполах“ — неперIODический печатный орган Общеказачьей студенческой станицы в Ч. С. Р. Направление журнала постоянно изменялось, находясь каждый раз в зависимости от ориентаций Общеказачьей студенческой станицы: разновременно в состав редакционной коллегии журнала входили — г. г. Белый, Вазагов, Вилянцев, Гребенников, Колачев, Кохановский, Коколевский, Приказчиков, Фролов и др. К 1-ому марту 1931 г. вышло всего 22 номера.

С февраля 1924 г. по конец 1928 г. Общеказачий селско-хозяйственный союз в Ч. С. Р. издавал казачий „республиканско-демократический“ печатный орган — „Казачий Путь“, который также, как и „Казачьи Думы“, зафиксировал на своих страницах многое из жизни казачьей эмиграции за границей, что послужит материалом для историков будущего времени. К декабрю 1926 г. (конец издания „Казачьего Пути“) вышло всего 93 номера журнала.

В период от января 1925 г. до марта 1926 г. Парижская делегация Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, выпускает печатный информационный сборник-бюллетень под наименованием „Казачий Союз“: вышло всего три номера.

Центральный комитет Союза Единства Казачества в 1926 году издает „Бюллетень Союза Единства Казачества“ — информационный листок печатавшийся на гектографе. В той же Праге, Общество Кубанцев в Ч. С. Р. выпускает журнал „Наш Край“ (вышло два номера, один в 1927, другой в 1928 г.), а также и информацию „Про Кубань“, „Наш Край“ выходил под редакцией Л. Быча, П. Макаренко и К. Плохого, информация „Про Кубань“ под редакцией П. Макаренко. Как журнал, так и информация являлись органами самостоятельного направления (украинская ориентация).

В апреле 1926 г. в Париже начинает издаваться „Вестник Казачьего Союза“ под редакцией Н. М. Мельникова: Издателем „Вестника“ являлось правление Казачьего Союза. „Вестник“ имевший официальный характер и являвшийся официозом Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, выходил до конца 1928 г., причем вышло всего 18 номеров.

Софийская казачья станица в январе 1927 г. выпустила однодневную газету „Станица“, набранную типографским способом.

В г. Гаражде (Юго-Славия) в период 1927-28 г. группа кадет Донского Кадетского корпуса издает рукописный журнал „Казачья Вольность“ — самостоятельного направления. Такой же рукописный журнал „Казачьи Зори“ (художественно-литературный журнал) издается казаками гимназистами из гимназии Всероссийского Земского Союза городов, размещенной в г. Моравской Тшебове (Чехо-Словакия).

От февраля 1927 г. и до октября 1928 г. в Праге Общеказачьим селско-хозяйственным Союзом под редакцией В. А. Харламова, издается — казачий демократический орган, двухнедельный журнал „Путь Казачества“ (измененный „Казачий Путь“): всего за полтора года существования журнала „П. К.“ вышло 38 номеров.

В 1927 году, в Праге Калмыцкая Комиссия культурных работников в Ч. С. Р. начала издавать историко-литературный, научный, публицистический и информационный неперIODический журнал „Улан-Залат“ — (народ носящий красные кисти на шапках). В 1927 г. вышел № 1, в 1928 г. — № 2 и в 1931 г. — № 3. Журнал печатался на русском и калмыцком языках.

С 10 декабря 1927 г. в Праге выходит иллюстрированный двухнедельный литературный и политический журнал „Вольное Казачество-Вильне Козацтво“ под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова (впоследствии умершего). Самостоятельное направление журнала ярко выражено в основных девизах — „Казак — наша цель“ — „наш девиз — казачья воля“. Обилие научно-исторического материала, а равно и идеология „В. К.“ выражена в ряде последовательных статей политическо-публицистического характера, придают журналу исключительную ценность. К 1-ому декабря 1931 г. вышло 93 номера „Вольного Казачества-Вильного Козацтва“.

В 1928 г. в Праге появляется печатный орган Союза Кубанцев в Ч. С. Р. журнал „Кубанские Думы-

Кубанські Думки“, вскоре прекративший свое существование (вышло три номера). Здесь же в Праге издавался на правах рукописи — журнал „Казачий Смех“, снабженный многочисленными иллюстрациями. Журнал, являвшийся „органом казачьей непосредственности и юмора“, печатался на ротаторе и был выпущен в количестве нескольких номеров. В этом же 1928 г. Общеказачья станица в Чехословакии, выпускает журнал (на правах рукописи) „Казак“ под редакцией вначале М. Т. Гребенникова. Всего вышло два номера журнала в июне и октябре 1928 г. причем отмечается, что журнал печатался на ротаторе.

От начала 1929 г. в Париже в издании Казачьего Союза, под редакцией Н. М. Мельникова, начинает выходить ежемесячный казачий журнал „Родимый Край“, имеющий отделы: официальный (приказы и распоряжения), литературный, исторический и информационный. К 1-ому июля 1931 г. вышло всего 27 номеров „Родимого Края“. (Во второй половине 1931 г. стал выходить раз в два месяца). В этом же году в Париже под редакцией полк. Е. Д. Коновалова (б. секретаря Уральского Войскового Правительства) издается „Казачий Журнал“. Первые четыре номера были отпечатаны на ротаторе и снабжены отчасти иллюстрациями, отчасти фотографиями. С № 5 „Казачий Журнал“ выходит в роскошном издании (типографский шрифт, на веленовой бумаге, многочисленные снимки). К концу 1929 г. „Казачий Журнал“ прекратил свое существование; в течение года вышло всего 8 номеров.

В Праге, в декабре 1929 г. Общеказачья станица в Чехо-Словакии выпускает № 1 журнала „Казак“. Журнал печатался на ротаторе и был выпущен всего в двух № № (в декабре 1929 и августе 1930 г.).

С 1929 г. возникшее в Париже „Казачье Объединение для борьбы за Родину“ выпускает ряд печатных неперIODических брошюр, каковых к 1-му июля 1931 г. вышло всего 7 номеров. Равным образом выпускаются неперIODические информации (осведомительно-агитационного характера) и „Общественным представительством от казачьих станиц и хуторов в королевстве С.Х.С.“.

От 1 мая 1929 г. в г. Белграде издается на правах рукописи ежемесячная печатная информация „Кавказский Казак“, состоящая из „Вольной Кубани“ и „Терского Казака на чужбине“ печатаемых вместе. „Кавказский Казак“ является официозом Кубанского и Терского Правительств.

В Праге в этом же году выходит газета-журнал „Казачья Земля“, прекративший свое существование на втором номере.

В далеком Харбине была выпущена под редакцией полк. Е. Березовского и полк. А. Грызова, однодневная газета „Сибирский Казак“ приуроченная к Николину дню (6-19 декабря) — Войсковому Празднику Сибирского Казачьего Войска.

Калмыцкая Комиссия Культурных работников в Ч. С. Р. в апреле 1930 г. выпустила печатную (на гектографе) „Информацию Калмыцкой Комиссии Культурных работников в Ч. С. Р.“ Информация была отредактирована редакционной коллегией в следующем составе — шеф-редактор Б. Н. Уланов, члены редакции — Э. Николаев, Э. Бурульдушов, Ш. Балинов.

С 1930 г. в свет начал выходить первый калмыцкий политический журнал „Ковыльные Волны“, издающийся под редакцией Президиума Калм. Полит. группы. Указанный журнал является печатным органом калмыцкой национальной группы самостоятельных „Хальмак Тангачин Тук“. К 15 июля 1931 г. вышло три номера „К. В.“ Журнал печатается на ротаторе.

В декабре 1930 г. полк. Е. Березовский и полк. А. Грызов вновь издали в Харбине однодневную газету „День Сибирского Казака“ ко дню Войскового Праздника Сибирского Казачьего Войска.

Февраль 1931 г. ознаменовался выходом в свет печатного органа „Лиги Возрождения Казачества“ в Париже. До сих пор вышло три номера.

В марте 1931 г. в Праге вышел № 1 „Казачьего Набата“ — печатного органа „совета казачьего центра союза младороссов“ — (кирилловцы), под редакцией полк. Г. И. Чапчикова.

К моменту составления настоящего очерка послед-

ним казачьим печатным органом по времени появления на свет, является журнал „Единство“, выпущенный Общеказачьей Студенческой станицей в г. Белграде в день 2 июня 1931 г.

Настоящий очерк не явился-бы исчерпывающим, если-бы не учитывались: 1. Служебные печатные информации частей Донского и Кубанского корпусов, и 2. наличие двух журналов русских посвященных Казачеству: а) „Перезвоны“ литературно-художественный журнал № 41, 1928 г. Рига. изд. Саламандра. — Статьи П. Н. Краснова, Н. Бережанского, Ив. Лукаша, Н. Мишеева, стих. К. Бальмонта, С. Штейна, Н. Туроверова, Ар. Формакова, б) „Россия“ литературно-художествен-

ный журнал № 7, изданный в Париже в 1930 г. под редакцией полк. Е. Д. Коновалова (уралец) и посвященный Кубанскому Казачьему Войску.

В общем итоге за одиннадцать лет (1920—1931 г.) пребывания казачьей эмиграции за границей, оной (эмиграцией) было издано (напечатано и написано) три периодических газеты, четыре неперіодических и одна особая (газета-журнал), четыре периодических журнала, десять неперіодических, восемь рукописных и два особых, семь ежемесечников, одиннадцать информационно-буллетеней и сообщений, ряд служебных информационных казачьих строевых частей, а также и ряд неперіодических печатных брошюр.

Четырехлетний путь Вольного Казачества.

Известно, что отправляясь в трудный и дальний путь, меньше надо думать об этих трудностях и о том, сколько еще осталось пройти, а время от времени, на известных этапах его следует оборачиваться и окидывать взором или мыслью пройденную часть пути. Если он был ровен и легок и сделан большой переход, то душа путника удовлетворяется пройденным расстоянием; если он был тернист и пройденно мало, то он удовлетворяется преодоленными препятствиями и идет дальше.

Так и мы, вольные казаки, пустились ровно четыре года тому назад в далекий и трудный путь за казачьим счастьем — за его свободой. Не можем сказать, что путь наш был легок и приятен, а потому мы и ушли не так далеко, но окидывая взором на пройденную часть пути, мы должны сказать, что пройдено и не так мало, а еще больше преодолено разных препятствий...

На пути национально-политического движения, направленного к освобождению давно угнетенного и поработанного народа предстоят тысячи преград и если все заранее рассчитать и подсчитать, бывает, падает и не робкое сердце. А потому, самый факт появления среди Казачества группы лиц, решившихся взяться за это ответственное дело, нужно отнести к из ряда выходящим явлениям.

Но мало было собраться и провозгласить, что, мол, мы стоим за то-то и то-то, нужно было организовать, найти своих друзей, определить врагов, пробудить самосознание массы, заручиться ее сочувствием и, преодолевая препятствия, пуститься в путь.

Принимая во внимание эмигрантскую среду, в которой приходилось встречаться с значительным разнообразием искривленной людской морали, задача самоорганизации была не из легких; если же вспомнить, что пребывание Казачества более 200 лет под властью

единоплеменного народа (что представляет громадное удобство для быстрой ассимиляции) успело наложить на казачье национальное сознание глубокий пласт, станет понятно, как щекотлива была задача-пробуждение национального самосознания; не просто удавалось и определить своих тайных и явных друзей и врагов; бывали и тут случаи путаницы.

Я не буду подробно останавливаться на всех перипетиях пройденного пути; было много печального и хорошего, но одно должен с удовольствием объективно отметить: 4-й год нашей работы заканчивается так: 1. мы достигли образования целесообразной организации, все члены которой объединены единством идеи и организационной мысли, которая непрерывно и упорно ведет политическую работу в намеченном направлении и каковая работа тысячами невидимых нитей связывает думы и мысли разбросанных по свету казаков и напоминает мировому общественному мнению и совети о национальных правах Казачества и его друзей; 2. мы взбудоражили еще не погасшее казачье самосознание и пробудили в нем волю к жизни и 3. определили как своих врагов, так и друзей.

В результате нашей работы у Казачества есть десятки преданных, культурно вооруженных, смелых и решительных работников, знающих чего они хотят. Для четырехлетнего существования национального политического движения, принимая во внимание аналогичные движения в истории других народов, это большое достижение.

Много, много впереди работы, не мало и трудностей, но памятуя, что „Бог не без милости, а казак не без счастья“, мы смело пускаемся в 5-й год нашего пути в поисках казачьего счастья.

Санжа Балыков. (Секр. редакции).

Думы и мысли.

Ив. Томаревский. (Болгария).

Борцам за волю Казакии.

Когда над степью Казакии
Свободы зоренка взойдет
И иго долгое России

С горба казачество стряхнет;
Когда от края и до края —
Во всех станицах, городах,
Свою свободу оглашая,
Сойдутся люди на Кругах;

Когда знамена воли, права
С гербами Войска зашумят,
Казачья выйдет в поле лава
За честь и волю постоять, —

Тогда лишь все борцы свободы
Счастливо-радостно вздохнут,
Забыв страданий многих годы
И свой окончив тяжкий путь.

Теперь же путь борцов тернистый,
Он в дебрях зла и лжи лежит,
И кто его из них очистит,
Того нам должно не забыть.

Равнодушие из-за малодушия.

Этими словами я хочу как бы обозначить известную вину и слегка упрекнуть тех казаков-интеллигентов, которые могут говорить и писать что либо интересное и полезное для Казачества и тем оказать положительную помощь в скорейшем достижении казачьей цели — освободить свою Родину, но по причине: боясь открыть свое подлинное лицо перед парижским правительством, они умышленно под каким либо предлогом уклоняются от своего прямого долга и сидят сложа руки, ждут с моря погоды — чья возьмет, ограничившись лишь тщательным чтением журнала „Вольное Казачество“, попадающего им случайно от вольных казаков или высылаемого им бесплатно редакцией, и критикой его авторов. С точки зрения справедливости и логического мышления такие „господа“, уклоняющиеся от совместной работы на благо Родины под предлогом „да еще не известно, во что выльется Вольно-Казачье движение“, по моему, делают два сознательных преступления.

Первое, — они как бы душевно сочувствуют и нахоят вполне справедливым и нужным по времени про-

должать развешивать шире поднятое знамя В. К. и неотступно бороться с теми, кто решается помешать этому национальному движению, но фактически — из-за отсутствия собственного „Я“, с одной стороны и „трусости“ перед правительством — с другой, — они не хотят в этом национальном движении принять не только прямого, но даже и косвенного участия, которым бы они не мало сделали пользы и более усилили бы ряды этого движения. А второе, кроме своего безучастия и равнодушия к В. К. они, наоборот, во вред ему ведут между рядовыми казаками пропаганду и всячески стараются повредить им во взглядах и мнении на это общее казачье дело и тем сбить их с правильного пути. К тому же усиленно стараются доказать, что нам, казакам, „нельзя слишком горячиться и торопиться попасть в ряды самостийников, ибо их движение — движение временное и дальше „загранниці“ оно не пойдет — это одно, а другое — „атаман нам не разрешает. А так как мы являемся его подчиненными, то мы должны его слушать и во всем повиноваться ему“.

Господа, не забудьте одного, что время обманывать и запугивать казаков атаманскою властью ушло безвозвратно, тем более здесь, на чужбине, ибо казаки, черевив недавний кошмарный по своему значению опыт, благодаря которому им приходится страдать в изгнании столько лет, к счастью нашему, научились разбираться в таких вещах гораздо лучше, чем вы, господа интеллигенты. Рядовой казак теперь больше предан своей Родине, а потому он больше Ее любит, чем вы, и пропаганда ваша между ними — голос вопиющего в пустыне. Кроме того, вы в лице их же, казаков, губите свою будущую карьеру, которую в душе рассчитываете получить все от тех же самостийников, на которых выливаете полные ушаты незаслуженной ими грязи, чтобы этим повредить в начале национально-освободительном казачьем деле.

Ясно, что несмотря на одиннадцатилетний срок, можно сказать, принудительного зарубежного скитания, вы еще спите крепким сном и, быть может, еще долго будете спать, раз вы сами того скитания причиной. У вас отсутствует, первый долг, казачье самолюбие, а потом уже и трусите говорить вы открыто, казачьей душой, и писать что либо в печати. Наоборот, у вольных казаков эта тоска по Родине ни на час никогда не засыпала, а в последнее время, переполнив все чаши нашего терпения и ожидания, вылилась в характер душевного стремления, из-за которого руководители „В. К.“ решили ни перед чем не задумываясь и ни перед какими преградами, со стороны кого бы то ни было, не останавливаясь, во что бы то ни стало пробиваться прямым путем к намеченной цели — вырвать свою поруганную Родину — Казакию из кровавых рук русских поработителей и восстановить в ней прежние законы и порядки предков наших. „За Край Родной, народ свой и вольность прежнюю“ — вот в этих нескольких словах и заключается главный девиз Вольного Казачества.

А ваш девиз в чем заключается? Вы называете себя казаками, а говорите о России и ее освобождении. Значит, вы опять желаете и прямо таки добиваетесь повторения того прошлого, за которое казаки не только заплатили своими головами, но и жизнью своих отцов, матерей, жен и детей.

К тому же интересно: от кого вы собираетесь освободить „матушку Россию“, от каких народов, если ее населяют русские же люди? и куда вы их, русских людей, будете выбрасывать из России? Разве к нам, в Казакию? — так они, русские, и без того успели переполнить ее и овладеть всем готовым, нажитым казаками, имуществом. Лучше было бы, да и от Бога не грешно и от людей порядочных не стыдно, если бы вы прежде всего постарались освободить свои Казачьи Край

от русских людей, которые, с целью легкой наживы и беззащитных грабежей, переселились в наши Край в период коммунистического ига и продолжают самовластно распоряжаться ими и сейчас, а потом бы пошли — добровольно или за плату — освобождать „матушку Россию“ от ее же русских людей.

Как не обидно за вас, господа, но должен сознаться, что вы по своей слабости (по глупости не допускаю) далеко заблудились и не попали на новый, современный путь, который ведет казаков к правильно намеченной и верной цели, а продолжаете все время топтаться на старом пути, покрытом глубокими рытвинами нашего прошлого, пережитого нами, казаками, тяжелого опыта.

Представил ли кто из вас серьезно то пагубное казачье движение недавнего прошлого, свидетелями которого вы были же сами в период тесной дружбы наших атаманов с Деникиным и Врангелем, ради которых мы утерjali свою Родину и ввергли ее с оставшимся населением и всеми богатствами нашего Край в руки бесстыдных коммунистов-большевиков, состоящих, главным образом, все из тех же русских людей, с которыми вы, видимо, связаны какими-то — вам лишь одним известно — связями, если так гордо стараетесь их поддерживать и сейчас?

Бросил ли кто из вас эти прошлые прегрешения на золотые чаши весов мирового прогресса к самоопределению народов? — Нет. Вы этого не сделали, вы упустили самое главное, ради чего мы здесь, на чужбине, и там, на Родине, столько лет страдаем и этим самым вы вновь творите новое пагубное для казачества преступление и все это по причине лишь того, чтобы не попятить своего лица — перед кем? — и не выявить своего истинного сочувствия, скрывающегося пока где-то далеко в душе к движению, начатому „В. К.“ Крайне обидно слышать такие уличные „разговорчики“ да еще от казачьей интеллигенции.

Нам ли, потерявшим свою родину казакам, здесь следует разниться и бродить по чужим социально-политическим партиям, когда мы имеем свою собственную вольно-казачью партию, предков наших, от которых мы произошли, следовательно, по их созданию, по их порядкам и убеждениям должны и мы следовать? Нам ли делиться по каким-то разным направлениям, когда у нас должно быть единственное направление — казаки душою и телом, хотим иметь свой собственный дом, угол свой, в нем быть хозяевами и им распоряжаться без всяких советов и вмешательства соседа своего, которого только и стремится уничтожить его? Нам ли нужно теперь обливаться друг друга грязными помоями, когда мы, казаки, были ими залиты русскими „братьями“ два века с лишним? и, наконец, следует ли устраивать какие бы то ни было преграды и всячески стараться тормозить дело, развиваемое „В. К.“ цель которых: как можно скорее освободить из-под небывалого в мире ига русских людей, мать свою Родину — объединенную Казакию?

Вот к этой-то основной цели, по моему, и должны стремиться все без исключения казаки здесь, на чужбине, и там, на Родине, пребывающие и дорожащие своею Родиной. Только при таких условиях, при таком тесном единении и верном нашем убеждении в свои собственные права: быть хозяином своего дома и им распоряжаться — мы, казаки, успешно достигнем своей желательной цели. А цель эта уже показалась, лишь остается укомплектовать свои боевые ряды и тогда, с Божью помощью скажем: „Вперед, к цели! на свою Родину — объединенную Казакию!“

Поверьте — Бог поможет нам в этом святом деле.

А. Бабков. (Румыния).

8 ноябрл 1931 г.

Русские о русских.

... „Советская власть — не чужая народу, и не одним насилем она правит страной. Сам русский народ в своем безумном порыве к новой жизни поставил ее над собою“...

[И. И. Бунаков (не большевик), „Дни“ от 22 ноября 1931 г.]

Думы казака.

В протесте Кубанского Войскового Атамана о зверствах большевиков над Казачеством говорится:

„Казачество ими буквально уничтожается. Неограничиваясь ссылками, переселениями, одиночными и групповыми убийствами, большевики прибегли к массовому уничтожению Казачества, применяя для этого удушливые газы и умерщвляя в течении нескольких часов десятки тысяч казаков, не щадя даже детей“.

Зверства эти действительно должны бы заставить содрогнуться не только нас, но и весь мир от ужаса. Но что же получается в мире от этих грозных для нас вестей?

„На все эти зверства“ — говорится дальше, „Европа и весь мир смотрят совершенно равнодушно. Местное землетрясение в Болгарии, в Греции, наводнение на юге Франции, казнь двух коммунистов в Америке обращает на себя внимание всего мира и заставляет его говорить о себе всю прессу. А здесь гибнут сотни тысяч людей и на это никто не обращает внимания“.

Да! совершенно верно. Десятиmillionный народ — казаки, буквально уничтожаются русским народом и никто не протестует против этого.

Чем объяснить такое явление?

Почему казнь двух коммунистов „заставляет“ говорить мир, а гибель девяти миллионов ничуть их не тревожит?

Мы, казаки, обращаем свой взор с надеждой о защите наших братьев к Европе, — Европе демократической, уважающей свободу и равенство, как и мы сами, и что же получаем? Молчание! Почему?

— А вот почему, как я думаю своим простым казачьим умом: мы для нее ничто иное, как: тираны, слуги царские, дикари (это сам слышал от французов, когда говорил, что казак).

Кто же создал нам такую репутацию, что от нас отворачиваются, как от прокаженных?

Мир, Европа уважают свободу слова и печати. Печать свободна здесь не только сейчас, но и до нашего прихода в эмиграцию. Здесь же в Европе были и наши враги коммунисты, которые своей пропагандой создали общее мнение о нас, казаках, как о верных слугах царей и его произволов, через „прессу“.

Европа демократическая, которая, для того чтобы добиться свободы, которую мы видим сейчас, боролась раньше все с тем же царизмом, верила, очевидно, охотно тем, кто боролся с русским престолом. Для врагов наших не было никакой трудности внушить всем репутацию о нас, как о верных слугах, уничтожавших де борцов за свободу, как о мелко помещичьем классе в России, который де покровительствуется царем. Казаки это люди, которые в 1905 году своими нагайками изсекли всех русских крестьян и помешали сделать желанную революцию, водрузить знамя свободы над 170 миллионным народом русским, который истязуется царем и его жандармами — казаками, — так вторила первым, не раз а тысячу раз, русская демократия.

Война, а после революция.

Здесь мы, казаки, (т. е. в тот период времени) встаем за свой „порог и угол“, поднимаем борьбу за свои края с большевиками.

Как же нас поняла Европа?

Представляют нас миру опять как людей, несущих России царя, помещиков, деспотию, старый произвол. Это прилепил нам, казакам, Деникин со своей Доброармией, а находившаяся в то время в эмиграции русская демократия указывала всем: смотрите, казаки опять несут России царя и помещиков.

Мы поражены. Эмигранты. Здесь что?

Мы — Русская Армия — кричат на весь мир. Мы создадим Единую неделимую новую Россию!!! Казаки в этой Армии составляют 85%. Опять, против их воли, на видном месте, как реклама приобретаем репутацию защитников царя и иже с ним. Тощих, полуголых, гоняют нас по Лемносу: в ногу раз, два!!! а тут же любопытный американец вертит „фильму“. Посылает снимок в Америку, а там в печать и пишут, что „Русская Армия“, голая, голодная, но держится старого режима.

Рассыпаемся по Европе, уже не как „Русская Армия“, а как беженцы. Что же видим здесь?

В кино фильмы один за другим советской продукции, изображающие казаков в роли усмирителей людей, доведенных до отчаяния бывшей царской властью. Спрашивается, хороший ли отзыв о нас, казаках, дает это миру?

Что же делаем мы сами, находясь здесь, наблюдая за всем, имея полную свободу, чтобы снять это незаслуженное клеймо?

Казаки джигиты. Афиша во всю стену изображает казака с кнутом, с нечеловеческой мордой, порящего русского мужика-крестьянина.

„Часовой“, журнал старой „Русской Армии“, монархический. Фотография Кубанского Гвард. Каз. Дивизиона и подпись: „Краса и гордость Русской Армии Кубанск. Гвард. Каз. Дивизион“. Это здесь в эмиграции, в Париже, год тому назад, русская печать, нас казаков представляет миру, как людей, упорно держащихся старого деспотизма — жаждущих царя, против чего борется весь мир (в Испании свергается король и вся Европа спешит признать объявленную новую республику).

Как же борется с этим на нас наложенным злом казачья печать и казачьи официальные вожди?

А вот как: Донской Атаман при возжении „Священного пламени Неизвестному Солдату“ в Париже, покрывает нас всех казаков, невзвара на протесты и ропот, русским флагом „Единой Неделимой“, за которым следует царизм Миллеров-Кутеповых.

Тут же в Париже, в „центре Европы“, пишут в журнале „Родимый Край“: знай де мир наше стремление и сейчас такое: „далеко не так плохо жилось казакам перед Великой войной, в составе могучей и сильной России. Кто бы из вас, казаки, не хотел бы всей душой вернуться к тому времени“. Соизволь, мир, получай! Говорили вам здесь Ленины и прочие, Вы не верили, так поверьте теперь. Ты борешься с царским деспотизмом, ты вздыхаешь от облегчения, что в России царя нет, а мы, де, казаки „всей душой“ думаем „вернуться“ к этому.

Так ли было на самом деле?

Революция. Мы казаки возрождаем свои старые традиции казачьи — старый демократизм, за него боролись (и боремся), за него умирали и калечились. Последние силы напрягали, но боролись за свою Казачью Свободу, за свой порог и угол, за „Дон свое Отечество“.

Ушли в эмиграцию, мы — масса — тужим, плачем за тем, что потеряли свою Волюшку, свой Родимый Край, связавшись с этими проклятыми „Единонеделимцами“. От своего стародавнего быта не откажемся и здесь. Мы, кубанцы, без возглавителя. Что, если взяли бы и назначили нам его. Но нет, мы дорожим свободой, т. е. тем же, чем дорожат и в Европе. Мы выбираем себе снова Атамана. Другими словами: мы подлинейшие демократы, те демократы, которые миру представлены как слуги царизма, тираны, дикари.

Что же мы создаем что либо, не касаясь уже Атамана Войска Донского?

Создаем ли свою казачью прессу для борьбы с этим ложным представлением о нас, которое для нас бич, хуже чумы, бич который уничтожает девять миллионов казаков, без понимания и сочувствия со стороны цивилизованного мира?

Нет! Мы соизволим молчать, показуя своим молчанием, что де мы действительно такие, как вам — миру представлены. Уничтожайте наших братьев там, а здесь де мы и сами подохнем, а кто заговорит о том, что мы, казаки, особый от русских славянский народ, с укладом и обычаем своим казачьим, не похожим на русский, что мы угнетены русским народом, что мы демократы, что мы боролись совсем не за царя, то на этих людей наши „головки“ — Атаманы спешат прилепить ярлычки: „изменники“, „предатели“, „политиканы“, им же „иностранцы“ помогают для того, чтобы развалить могучую Россию (ими воображаемую) „Единую Неделимую“, а им в унисон и казаки некоторые (если не половина): да, да, „хриstopродавцы“, — заливают грязью то, во имя чего и сами боролись дома на Родной Казачьей Земле.

Что же надо делать, чтобы спасти наших еще недобитых братьев, которые зывают к нам „Ратуйте нас, брати козаки, ми погибаем от Московского ига“!

У нас в эмиграции появились наши, чисто казачьи журналы, которые стараются показать миру нас такими, какими мы были 200 лет назад, какими в действительности были в 1917, 18, 19 г. г. и какие сейчас: слуги царя — или сыны свободы и за что так бесжалостно нас уничтожали на протяжении веков (читая исторические очерки, видно, что больше всего нам доставалось от русских в спину предательских ударов).

Мы должны смело, дружно закричать всему миру через нашу печать, что мы не слуги деспотизма, а люди воли и чести. Мы вам ложно представлены...

Надо поддерживать нашу печать: умные писанием, а мы простые только тем, что должны оплачивать ее издание. (Это самое главное средство борьбы сейчас, ибо другого мы ничего не имеем). Незамечая материальных ущербов, мы увидим, что гроши наши даром не пропадут. Невзирать на то, кто ведет нашу печать „большие“ или „маленькие“ люди, главное — спасение нас и братьев там страдающих, у которых „вторые звери, кожу с'ели только кости остались“ (письмо из дому).

Теперь же в самом непродолжительном времени созвать Всеказачий эмигрантский с'езд, который бы скорее нас об'единил на борьбу за спасение Казачества. С'езд, который бы заставил мир сдвинуться с точки хладнокровного наблюдения над зверствами, чинимыми над Казачеством большевиками.

Казачья Края, политые нашей кровью, убиваемых наших братьев, довелильно диктуют нам взяться за умы свои и спасти их и нас самих от этой жизни.

Смело братья, — на созидание подлинного казачьего лица перед Европой!

Когда миру будет рассказано наше истинное казачье прошлое, настоящее и то будущее, к которому мы стремимся, мир возстанет на защиту нас при малейшем зове к нему о помощи, ибо там же, где слышится упрек миру, говорится дальше, что он ведь не без чувств, а наоборот быстро отзывается на несчастья народов, как то: землетрясение, наводнение, казнь 2-х коммунистов, — помогает и протестует.

Все под знамя вольных казаков; надо показать миру, что наша цель борьбы и тех, что уничтожаются безжалостно большевиками, Казачья Воля, а наша мать-родина всех Казачьих Войск — Казакция, а не царизм и не „Единая Неделимая“.

Каз. П. Сотников.

(1 сент. 1931. Франция).

Отголоски.

Еще в феврале месяце я прочел доклад „Вожди Казачества“, в котором упомянул всех лиц, так или иначе борющихся за интересы казачества. Как оказалось, доклад не прошел бесследно. Месяца через два знакомый донец при случайной встрече вдруг заявляет мне :

— А Вы знаете, Яков Иванович, что я слышал по поводу Вашего доклада?

— Нет. А что?

— Морду бы ему побить за этот доклад. И где он повыврал этих вождей? — вот что говорят.

— Это хорошо, дорогой станичник, значит доклад достиг цели: задел за живое слуг царя и отечества. Только умные люди в этом случае обыкновенно выступают с опровержением той или другой стороны доклада, доказывая это или документами, или научными трудами компетентных лиц. Тупоголовые же и не культурные всегда решают дело кулачной расправой. Для подобной расправы мозгов не требуется.

После этого разговора прошло несколько месяцев. Я, признаться, почти уже забыл об этом; но на днях один кубанец вдруг сообщает мне, что слышал от одного ярого единоподельника по поводу моего доклада следующее: „Жаль, что не повесили Лопуха вместе с Кулабуховым, но, да ничего — придет время, вздернем и его“.

Ну, думаю, беда пришла. Одни морду бьют, другие вешать собираются. А за что? За какое преступление? За то, что публично прочел доклад, в котором ярко и правдиво нарисовал картину, как был замучен Петром I глава Украинской депутации полковник Павел Полуботко, избранный Украинской Старшиной ходатайствовать перед Петром I о разрешении произвести выборы Гетьмана; Екатериной II — кошевой Петро Кальнишевский за то, что уговорил Запорожцев здать Текелию Сич без кровопролития; Деникиным — член Кубанской Рады — Кулабухов, за подписание мирного договора с черкесами, а меня грозят повесить за чтение доклада; за то, что нарушил завет летописца Нестора, который, как передал Пушкин, говорил: „Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу. Своих царей великих поминуют за их труды, за славу, за добро; а за грехи, за темные деянья Спасителя смиренно умоляют“. Вот, мол, как нужно по расейски! А то дерзнул вдруг правду публично говорить о царях и высокопоставленных особах.

Но, господа единоподельники, ведь это уж черезчур строго! Припомните — уж на что был строг Николай I, а Т. Г. Шевченка за такие стихи, как „Сон“, „Саул“ „Кавказ“ и др. только отдал в солдаты да запретил писать, а вы за один доклад и уже вешать.

В 1918 году в станице Уманской ярый большевик Жубрицкий, на многолюдном митинге, за мою активную антибольшевицкую работу, сказал: „я курицы никогда не резал, но если-бы поймал Лопуха, то с живого бы кожу содрал!“ Месяца через три Жубрицкий был пойман и доставлен в ст. Уманскую. И что же? — Толпа растерзала его самосудом. Смотрите господа „вешатели“, чтобы и с вами не случилось чего либо подобного.

Как то один кирилловец, будучи под „мухой“, с апломбом заявил мне: „Таким, как Вы, в России места не будет; а Ваших Вейсковых Атаманов на первой осине повесим!“

Как видите, дорогие станичники, куда ни кинь — все клин: единоподельники вешают, большевики вешают, кирилловцы вешают. Сколько потребуется веревки и палачей? — Подумать страшно. Но Бог не выдст — свинья не с'ест, — терпи, казак, — атаманом будешь. Внемли казачество и поучайся!

Я. Лопух.

(Болгария).

Письмо в редакцию.

Глубокоуважаемый г-н Редактор, сердечно прошу вас поместить в нашем казачьем журнале „Вольное Казачество“ нижеследующее письмо к братьям казакам.

Здравствуйтесь, дорогие братцы, казаки всех казачьих Войск! Мне желательнее поделиться с вами моими простыми казачьими думами и вспомнить случаи с 1917 года, которые покажут вам, как казаки бывают сильны, когда наденутся на самого себя и в силу свою веруют. Мы, казаки, читаем вольности казачьей журнал и вычитываем, что наши верхи, как например Атаман, об'единили себя с русофилами, а нас, как низы, оставили на произвол судьбы. Но не унывай, братцы, мы и без нмх сольемся в единый кружок.

Было это в 17 году, когда мы в нужный момент стекались в глухие Сальские экономии и без ничего в руках восстанавливали против сильнейшего врага и били его и часто без верхов, сами друг другом командуя. Помню я, как вернулся в станицу Богаевскую с фронта и когда большевики стали угрожать нашей станице, сформировали мы с Войск. старшиной М. Д. Ивановым команду из 30 человек. Я — простой казак, командовал пулеметами (как специалист) и за один месяц наш отряд разросся до 200 человек и мы всегда били красных, а когда к нам влили русских офицеров, то стали терпеть неудачи, потому что они не хотели лично вести казаков на бой и, уклоняясь от боя, убивали дух казаков. В боях мы, казаки, больше надеялись на вахмистра. Так будет и теперь, вахмистра с нами будут под Ростовом сражаться, а Богаевский и Мельников все еще в Париже журнал свой будут издавать.

Был с нами один случай. Когда раздался первый

зов на защиту Дона, то пришли в отряд молодые казачата 17-18 лет и старики, которым почти всем было лет по 60. И вот окружил нас однажды Буденный и стали рубиться на кадушту.

Больше четырех часов были мы окружены и рубились; красные все время кричали, чтобы сдавались, обещали что ничего нам не будет, но деды кричали, что „умрем за вольное казачество и седой Дон“ и продолжали биться и, все таки, пробились. Так вот дорогие братья, казаки, не робей, что верхи нас оставляют, не погубим мы и без них, если сами будем смелы и дружны. Кто верует в Бога и Казачество, тот идет за вольными казаками, а кто верит и идет за москалями, тот верует в сатану. Больше я ничего не имею сказать.

Подхор. Ив. Мамлин (Польша).

Несколько слов о деятельности одного моего собрата.

С того времени, как в жизни казачьей эмиграции возродилось вольно-казачье движение, стало быстро расширяться и в рядах вольных казаков, в качестве постоянных и видных сотрудников, стали фигурировать несколько калмыцких имен, известных среди калмыков, то Н. М. Мельникову понадобилось найти и для себя калмыка, которого он в нужных случаях выпускал бы против калмыков-вольных казаков. Так как, из более или менее известных представителей калмыцкой интеллигенции, никто к нему не приходил, то ему пришлось удовлетвориться Шараповым.

Шарапов был добрым парнем, пока он, под науськивание Мельникова не стал усиленно заниматься „общественно-политической деятельностью“, на каком-то поприще, по собственной его оценке, он будто-бы уже принес „великую пользу своему народу“. О „великой пользе“, конечно, ему можно говорить только не имея представления о том, что значит „великая польза своему народу“, а вот, что с тех пор, как он стал заниматься политикой, шаги смешные и конфузные у него стали чередоваться с шагами некрасивыми, это — факт. Так бывает всегда, когда человек начинает хватать выше, чем ему отпущено, т. е. тогда, когда рак, пользуясь безрыбьем в данном болоте, начинает сходить за рыбу.

Не хочу долго останавливаться на личности Шарапова, ибо мы, калмыки, все друг друга знаем, а обращу внимание наших собратьев на несколько штрихов из „деятельности“ Шарапова, которые наиболее ярко характеризуют степень сознательности его.

Когда два года тому назад вышел в свет интересный исторический труд калмыка д-ра Хара-Давана, посвященный разбору личности нашего великого императора Чингис-Хана и истории Монголии вообще, каковая книга по своей ценности является ныне почти настольной книгой всякого калмыка, интересующегося своей историей, проникла в СССР и там сделалась самой популярной книгой среди калмыков, а в эмигрантской печати вызвала многочисленные отклики, Шарапов стал... протестовать против этой книги и уговорил нескольких, малограмотных или совсем неграмотных, калмыков, его окружающих, дать свои имена под его протестом, каковой и был с удовольствием напечатан в одной из русских газет.

Конечно, это останет забавным, анекдотическим фактом в истории калмыцкой книги и роду Шарапова, если только в нем будут сознательные калмыки, придется долго краснеть от такой „деятельности“ своего представителя. Хорошо, что это пятно высшей степени несознательности не легло на калмыцкую интеллигенцию вообще, ибо организация, вбирающая в свой состав почти всех интеллигентных калмыков в эмиграции, вынесла на страницах своего печатного органа репительное осуждение этому Шараповскому акту.

Мало этого, когда на страницах „В. К.“ стали появляться статьи по калмыцким вопросам, написанные калмыками, (которые иногда критиковали политическое направление Атамана) и бытовые рассказы из калмыцкой жизни, то Шарапов опять забегался с протестом, хотя подписей никаких собрать ему на этот раз не

удалось, несмотря на пожелание Мельникова. В этом случае он мотивировал свой протест тем, что из-за этих калмыков-вольных казаков Атаман и Мельников возненавидят калмыков вообще, — как будто калмыки для того только и существуют, чтобы нравиться этим лицам, или, Атаман и Мельников такие элементарные и несправедливые люди, что из за убеждений тех или иных калмыков стали бы менять свой взгляд и отношение ко всему калмыцкому народу вообще?... А кроме того Шарапову не нравилось, что в некоторых бытовых рассказах упомянуто о том, что калмыки едят конину; по его мнению это такой зазорный факт, который нужно скрывать от света, как будто мы впервые столкнулись в жизни с казаками и русскими и как будто это на самом деле нечто такое, чего можно было бы стыдиться. Это явно показывает, насколько человек от близости к атаману потерял свою национальную душу и насколько он знаком с требованиями литературы и публицистики вообще.

Как известно, в этом году калмыки студенты в Чехословакии, потеряв правительственные стипендии, стали терпеть нужду. Все калмыцкие колонии, несмотря на уменьшенный заработок и кризис, собирали свои скромные взносы, чтобы посылить помощь нашей учащейся молодежи, чем проявили достаточную степень общественной сознательности, а Шарапов не нашел возможным сделать сбор в своей станице. Надо знать, что до того, пока он не стал усиленно заниматься „политической“ работой, он почти каждый год, как можно видеть из отчетов Калмыцкой Комиссии, участвовал в сборах на устройство праздника нашей учащейся молодежи, а теперь, когда дело коснулось самого существенного момента в жизни-этих учащихся, он предпочитает поддерживать всякие атаманские балы, „фонды спасений и розысков“.

Станица Шарапова состоит из десятка человек и, как приходилось слышать от некоторых бывших членов этой станицы, Шарапов выбирается атаманом ее лишь только потому, что он не собирает взносов на станичные дела и все расходы покрывает из своего кармана. Признак вполне достаточный для того, чтобы быть атаманом. Само собой разумеется, нет ничего плохого, что есть станица, что Шарапов ее атаман и что он сам несет станичные расходы, это даже хорошо, но плохо, что Шарапов начинает делать вмешательство в область деятельности других.

Недавно он дал на страницах 11-го номера „Р. К.“ информацию о деятельности своей станицы. В том, что станица „принимала участие не только в жизни краевых, но и общероссийских организаций, ничего плохого нет. Ничего не имею даже против, что Шарапов состоит при Мельникове и всю жизнь своей станицы и свою деятельность направляет по указке Мельникова, ибо, как говорится, „сто голов — сто умов“ и каждый состоит и работает в той организации и с теми лицами, деятельность и идея которых по душе. Но вот там он, между прочим, написал: ... „несмотря на усиленную агитацию самостийников, пытающихся — да и то лишь на словах — на несчастье России создать счастье, никогда не существовавшей, „Казакки“... Калмыки в общей своей массе относятся совершенно отрицательно к идее сепаратизма вообще“.

Я знаю, что никакие самостийники не думали мешать Шарапову принимать участие в жизни общероссийских организаций, это неправда, а во вторых жалка его наивная попытка лягнуть мимоходом самостийников.

Калмыкам надо знать, что под названием „Казаккиа“ самостийники разумеют землю, на которой живут казаки и калмыки. Мы, действительно, стремимся создать счастье истинных хозяев на этой земле — калмыков и казаков. И если наше счастье — несчастье для России, то пусть будет так и Шарапов этим указанием никого не испугал. Всегда бывает так, что если раб освобождается, то рабовладелец теряет. Нечто подобное и тут. Нам совершенно не интересно создавать счастье России на собственном несчастье, хотя я совершенно уверен, что свобода и счастье казаков и калмыков ни в коем случае не будут несчастьем для России. Конечно, возможно, что ей полезно было бы вернуть и Польшу и Финляндию и взять часть Турции

и Румынии, но всякому аппетиту есть предел. А потом: „только на словах“, само собою разумеется, что первым долгом на словах, ибо всякое дело рождается сперва в мыслях, мысль претворяется в слова, а потом и в дело. Не так ли? Так что — и тут нет ничего удивительного. Правда, что „Казакія“ не существовала, как государство, но мы хотим, чтобы она стала существовать.

Но самое главное это-то, что „калмыки в общей массе относятся отрицательно к идее сепаратизма вообще“. Тут уже наивность Шарапова переходит в недобросовестность. Если говорить правду, то калмыки в общей массе, довольно равнодушно относятся ко всяким политическим вопросам, и сепаратическим и централистическим. Это наш минус, ибо до того состояния общественного самосознания, когда каждый человек стал бы интересоваться политическими вопросами, т. е. вопросами своей национальной судьбы, до этого надо дорости и этого момента надо желать, ждать и пытаться помочь, потому что — интересоваться политическими вопросами, это значит уже быть культурным и развитым народом. А кроме того утверждение Шарапова неверно еще и потому, что если есть такие, которые под влиянием Шараповых и относятся отрицательно к работе самостийников, то гораздо больше приходится встречать таких, которые вполне сознательно относятся к идее национальной свободы в союзе с Казачеством; почти все, кому приходилось, в порядке частных бесед, растолковывать цель вольных казаков, со вздохом надежды говорили, что „это было бы хорошо“.

А кроме этого, Шарапов должен знать, что почти вся калмыцкая интеллигенция, если и не увлекается смелой идеей калмыков-вольных казаков, то, по крайней мере, хранит молчание, а молодая ее часть даже сочувственное молчание. Это должно было надоумить Шарапова, что стремление к национальной свободе, хотя и трудно достижимой, не такое уж зазорное дело, чтобы забегать с осуждениями по указке враждебных нашим интересам людей. Шарапову надо знать, что если народу нашему и не суждено увидеть солнца свободы, то, во всяком случае, борцы за возможность увидеть эту свободу должны быть в нашей истории, иначе было бы слишком зазорно для нее. И чтобы решиться на эту борьбу, кроме смелости, надо иметь жертвенность, а для того, чтобы отмахиваться от всего своего и играть на руку сильного, закабалившего нас народа, ничего, кроме предательства и низкопоклонства, не требуется.

Пусть Шарапов на меня не обижается. Мы не трогали его первыми, но если он сам первый затрагивает, то должен быть уверенным, что ему могут и ответить.

Учур Алексеев. (Франция).

Антиполитикам.

На страницах казачьей печати встречается иногда проповедь, когда некоторой казачьей старшиною младшая братия поучается избегать трудноразрешимых задач, не касаться политики (как и мы ею никогда не занимались). А есть и такие, которые в противовес пылкости казачьих умов и тяге к политике и общественной жизни, ставят догматы христианского учения (в царство небесное не попадет, если будет умничать).

Древнегреческая мудрость говорит: „Человек, не интересующийся общественной и политической жизнью — идиот“.

Думаю, что эта мудрость и для нашего времени не устарела, а если это так, то кого же наши проповедники хотят подвести под эту категорию: тех, кого они

поучают, или... себя, — предоставляю это решить читателю.

Дальше: „мы политикой не интересуемся и она нас не занимает“. Не здесь ли и ответ за всю казачью трагедию?.. Есть ли заслуга в том, что их политический багаж в нужную минуту не имел никакого удельного веса, да и вообще был ли измерим... по причине отсутствия. Спрашивается: Нужно ли учиться у таких „учителей“?

Все вышеизложенное воскрешает в моей памяти давно прошедшее, когда мы о переживаемом „счастьи“ и не мечтали. Молодым казаком я обращаюсь к молодому же офицеру за советом, можно ли получить разрешение от командира сотни на право иметь и читать несколько указанных мною книг и газет. Офицер, казак, сказал мне так: „Все можете читать!“ — и тут же выразил готовность помочь мне в том случае, если я по своему положению не смогу желаемого достать.

Теперь я думаю, что это было потому, что названный офицер был добрым казаком, потомок славных запорожцев, сотник (ныне здравствующий полковник Б.). В то же время и потому же случаю я вынужден был вахмистром сотни (не так паны, як паньнята) обратиться к командиру сотни (ныне покойному) флигель-адъютанту, есаулу А. С. Жукову; а Жуков на вопрос, задал мне вопрос: „А почему же нельзя читать газеты и книги?“

— На основании военных уставов нижним чинам можно читать книги только разрешенные ближайшим начальником, в данном случае командиром сотни.

— О! о! это нас не касается, — смеясь ответил он мне — это нужно солдатам, а мы казаки и пожалуй-ста не стесняйтесь, можете пользоваться всем, что вам попадает; кроме того я пришлю вам с неством много полезных книг, которые я уже прочел.

Не имею права быть уверенным, но могу допустить, что мое обращение натолкнуло командира сотни на мысль — дать возможность казакам читать больше, чем они могли достать своими силами, находясь на военной службе. Столовая сотни преобразилась в приличную читальню-библиотеку, куда были выписаны 4—5 газет, не только петербургские, но и московские журналы, а книги нашли большой круг читателей казаков. Между прочим, книги эти не принадлежали к строго определенному разряду „для младшего возраста“.

И все это только потому, что инициатор этого дела был добрый казак, несмотря на то, что имел „почетный“ придворный титул — флигель-адъютанта и, добравшись до верхушки общества, не перестал быть казаком и прилагал все меры к развитию и познанию общественной жизни своих братьев-казаков.

Это был один из достойных примеров для казачьей старшины. Он не боялся, что казак стнет „просвещенным политиком“, как этого очень многие боятся теперь. Есть боязнь и по другим причинам: „А вдруг казак настолько расширит свой кругозор, что может с начальством вступить в политические пререкания, а по нашему бессилию придется краснеть и пасовать, ведь под шашку не поставишь, „русский народ власти лишил“...

Для всего этого есть такое толкование: со стадом баранов легко справляется самый обыкновенный чабан-пастух, а чтобы совладать с людьми просвещенными, нужно и самому руководителю быть просвещенным.

Пусть не будет места у казаков русскому правилу: „просвещение вредно для народа, пусть молятся Богу, не мудрствуя лукаво“. Пусть вся казачья старшина скажет: „Это правило нас не касается“...

Казак старайся разобраться в трудноосуществимых вопросах и помогай младшему брату.

Е. Булавин. (С. Америка).

Каждый вольный казак должен не только сам подписаться на журнал „В. К.“, но убедить и других казаков сделать то же самое.

О В.-К. с'езде.

*Казаки были, есть и
будут вольными орлами.*

Братья казаки!

Выслушайте спокойно призыв деда донца. Читая ваши вопли, жалобы и негодования в дорогом нам журнале „Вольное Казачество—Вильне Козацтво“, поднявшем брошенные родные знамена, я вижу, что никто не говорит решительного слова.

Может быть уже на закате своей жизни я вас, вольные казаки, гордые сыны ковыльных степей, призываю: Брось слова, а с Богом за дело! За дело спасения своей Родины от русского ига.

На нашу старшину нам надеяться, сами знаете, нечего.

Призываю вас забыть их так, как будто их и нет на белом свете и на все их выпады, на все их красноречие не отвечать ни слова; а также прошу воздержаться буквально от всякой полемики с ними и дорогой наш журнал „Вольное Казачество—Вильне Козацтво“, ибо они даже не стоят той бумаги, которая изводится на полемику с ними.

Приступим-же с помощью Господа Бога к спасению Родины!

Мы, братья вольные казаки, жертвовали и вновь жертвуем на свою Родину свои жизни до последнего издыхания; но этого мало, нужны и средства.

В первую голову нужны средства на заграничный с'езд Вольного Казачества всех Войск. Ведь это — первый шаг к спасению Родины.

Средства должны быть собраны и немедленно; время не ждет, долго-жданый час приближается. Жертвуйте, кто сколько может. Одна сотинка, одна пара, один сантим и те дороги.

Быстрота роста капитала покажет нашим врагам, как мы сильны.

Может быть у когонибудь возникнет вопрос: „А кому-же доверить этот капитал?“, то я вам отвечу, дорогие братья, сыны и внуки: — Кого-же нам выбирать, как не тех, которые подняли брошенные родные знамена и гордо их развернув заговорили на весь мир.

Вольные казаки! Все свои пожертвования направляйте на имя Игната Архиповича Билого.

Я убежден, что во имя любви к казачеству, во имя блага нашей Родины — дорогой нам Казакции, он не только не откажется, но даже и не помыслит об отказе.

Итак, братья вольные казаки, трубач проиграл „поход“, а дед командует: — „По коням!“ — „Подтяни подпруги!“ — „С Богом!“

Станичный Атаман Пугачевской станицы

В. Балабин.

Р. С. При сем прилагается подписной лист казаков станицы.

В. Б.

11 ноября 1931 г. г. Южин. Франция.

От редакции: Настоящим заявляем, что предложение это принимаем и открываем сбор средств в фонд первого вольно-казачьего с'езда. Когда соберется достаточная сумма, Центр В. К. возьмет на себя инициативу созыва и организации с'езда.

О поступающих в фонд с'езда суммах будет вестись публичная отчетность в журнале „В. К.“

При настоящем письме атамана Пугачевской станицы, полк. В. Балабина (члена Д. В. Круга) приложено сто девяносто фр. (190 фр.), собранных среди членов той станицы, как первый взнос в фонд с'езда.

Казачья эмиграция.

В Париже.

В субботу, 21 ноября, в 7^{1/2} часов вечера Общество Ревнителю Казачества в Париже, в 12-й год трагической смерти члена Кубанской Ряды священника А. И. Кулабухова отслужило панихиду в православной церкви в Бианкуре по всем вождям и казакам, за Казачество живот свой положившим.

На другой день, в воскресенье, 22 ноября, в 2^{1/2} часа дня в помещении кафе 64, рю Сан Доминик, оно же устроило публичное собрание, посвященное памяти А. И. Кулабухова. Председательствовал на собрании А. М. Огиенко. Реферат о жизни и деятельности Кулабухова прочитал председатель правления Общества — Е. М. Якименко.

Председательствовавший на собрании, открывая собрание, предложил собравшимся почтить память покойного вставанием, а затем произнес краткое вступительное слово.

— Сегодня мы поминаем скорбный казачий день, — говорил Огиенко, — как недавно в этом же самом помещении мы отмечали другой скорбный казачий день, день гибели другого борца за Каз-во — Рябово-

ла. Ровно 12 лет тому назад в Екатеринодаре, в сердце Кубани, на исторической крепостной площади, русскими людьми было совершено великое преступление, величайшее злодеяние. В этот день был повешен лучший сын Кубани, член Куб. Ряды свящ. Кулабухов. За что? На груди его была приклеена надпись: „за измену России и Казачеству“. В чем выразилась эта измена? В лучшем предвидении исхода „белого движения“, в проникновении в скрытую внутреннюю сущность добровольческого движения, ничего хорошего Каз-ву не сулящего, в выборе правильного пути, ведущего к спасению Каз-ва, по которому он шел бесстрашно... 12 лет назад, в ненастные осенние дни, когда все было мрачно, на Кубани разыгрались события, завершившиеся повешением пламенного борца за волю и долю Каз-ва... Сегодня мы отмечаем этот день... Пусть мученический образ покойного неизменно стоит перед духовным взором каждого казака и зовет его к той цели, за которую он погиб! Пусть память о нем вечно живет в сердцах и душах казаков...

Е. М. Якименко читает свой реферат, изобилующий официальными данными, цитатами из русских источников, из которого явствует, с какой восторженной

радостью отнеслось все русское общество к этому злодеянию, с каким уторством оно же подстрекало своих „вождей“ к этому убийству...

— Выступавший затем Чертков, говоря о казачьей боли по поводу этого злодеяния, об этой тяжелой для Каз-ва утрате, выражает сожаление, что докладчик не сказал ничего о той нехорошей роли, какую в этом злодеянии играл ген. Науменко...

— Предс. Огиенко — прерывает оратора и прерывает не касаться личностей Атаманов какого бы то ни было Войска...

— Чертков. Я не касаюсь Войскового Атамана, а говорю только о личности ген. Науменко. Он — соучастник злодеяний ген. Покровского! Тогда ген. Науменко Войсковым Атаманом не был, а был рядовым кубанским генералом. Позже полученный атаманский титул не может оправдывать недостойные действия прежнего генерала Науменко...

— Якименко. Я в своем докладе этого вопроса не касался умышленно. Сегодня день, посвященный памяти покойного. Поэтому я говорил только о нем, стараясь быть объективным, не выходя из рамок документальных данных. А для установления того или иного определенного взгляда на деятельность ген. Науменко того времени у меня не было надлежащих данных...

— Лысенков. Председатель сделал замечание Черткову и сказал, что не надо критиковать наших Атаманов. Я с этим в корне не согласен...

— Председ. Огиенко. Я не говорю, что не нужно критиковать Атаманов вообще, а говорю только, что не нужно этого делать именно сегодня, на настоящем собрании, посвященном памяти человека, повешенного за службу Казачеству...

— Лысенков. Считаю эту точку зрения ошибочной. Атаман — наш слуга. Мы — хозяйева. Наш долг критиковать их деятельность когда бы то ни было, где бы то ни было. Если тот или иной Атаман замешан в этом злодеянии, то мы должны говорить об этом и на настоящем собрании...

— Полк. Жуков, разделяя точку зрения председательствующего, говорит, что нужно знать — где и о чем говорить. Сегодняшнее наше собрание посвящено памяти покойного. Только о нем и о его деятельности и следует сегодня говорить. Для критики деятельности Атамана мы можем созвать другое специальное собрание, там обсуждать и судить его. Это — наше право, его никто у нас не может отнять. Только нельзя верить разным брошюрам. Для суда над деятельностью Кубанского Атамана, тогда рядового генерала Науменко, нет достаточных данных...

— Чертков. Кто из казаков в этот день не вспоминает с душевной болью о погибшем нашем герое? Сердце наше болит. Поэтому, мы не можем молчать и замалчивать предательскую роль тех, кто содействовал совершению на нашей родной Кубани этого гнуснейшего злодеяния... Об этом я буду говорить неустанно, где бы я ни был... Я уважаю и почитаю Войскового Атамана, подчиняюсь ему. Но я не могу молчать о не красивой роли ген. Науменко в этом подлом деле... Об этом я буду неустанно говорить... Пусть звенит казачий голос, воздавая каждому до заслугам его, клеймя злое, прославляя все доброе...

— Якименко. Повторяю, я не касался этого вопроса. Стараясь быть объективным, я даже несколько злоупотребил цитатами. Для суждения о деятельности ген. Науменко у меня в руках документов не было. Но у меня были документы для утверждения, для отвода всей тяжести преступления в Атаманский Дворец, на то лицо, кто там тогда был. Я смело утверждаю: будь Атаман Филимонов тверд и заяви Покровскому „не смей!“, последний и не пикнул бы! Но во Дворце вместо твердости была проявлена заячья трусость...

— Евтухов. Поминаем память человека, который пал второй жертвой за Кубань. Первый борец за Кубань, Рябовол, пал от рук злодеев на нашей Донской Земле. Тот и другой пали жертвами преступления „белых вождей“... Теперь наш, вольных казаков, святой долг всеми силами добиваться такого положения, чтобы в будущем у нас не было таких дорогих для нас

жертв, чтобы на нашей Казачьей Земле не совершались такие преступления, не проливалась нашими врагами казачья кровь. Правда, кровью Кулабухова Кубанская Земля не обогрилась, ибо его... повесили. Убили казака, да извороготивые наши враги сделали так, что вышло: казака арестовали казаки, караулили „арестанта“ казаки, судили казаки, вешали казаки. Это дьявольское изощрение хитроумного врага. Мало ему было убить, но надо было еще досмеяться и указывать пальцем: смотрите, мол, что делают „казачки“! Сделали так для того, чтобы через 12 лет они, враги, могли утверждать, что сделали это сами казаки, виноваты, мол, сами они... Наш долг предостеречь в будущем всякую возможность хоть что либо подобного... Сегодня мы поминаем нашего героя добрым словом. Но я верю в скорое наступление такого времени, когда Каз-во будет иметь возможность построить в Екатеринодаре, в сердце Кубани на том самом месте, где был повешен Кулабухов — величественный памятник погибшему борцу за свободу Кубани и всего Казачества...

— Черный, выступивший после Евтухова, между прочим говорит, что в тот день, когда в Екатеринодаре вешали Кулабухова, русские старались вину за это злодеяние свалить на казаков, на нас. Совершали злодеяние и это злодеяние старались прикрыть казачьим именем. В доказательство своего утверждения говорящий приводит несколько примеров из жизни тех дней.

— Казанков. Пора казакам понять истинную цель русских в отношении к казакам. Эта цель цинично выражена в словах большевика Антонова-Овсеенко, тогда командовавшего большевицкими войсками против Казачества, который сказал, что „казачье дело необходимо погубить казачьими же руками!“ Этой же „тактики“ придерживались и придерживаются до настоящего времени и все „белые“ вожди. Поняв эту истинно-русскую цель, казаки обязаны это их оружие выбить из их рук, т. е. нужно перестать служить слепым орудием в их руках. Главная наша, казаков, беда в нашей слабости, неорганизованности, а не в русских силах. Проф. Масарик спрашивал — кто наш страшнейший враг? — Немцы? — Нет! — Наша слабость! Так и у нас, казаков! Надо всем нам поставить ясную и определенную казачью цель и к ней бесстрашно, с присущей казакам отвагой прямолинейно стремиться. В бесстрашии, отваге, в политической организованности — наше спасение, когда невозможны станут подобные жертвы, одну из которых мы сегодня чтим...

— Балянов. Правда, что сегодня день казачьей скорби. В этот день мы поминаем наших мучеников. А сколько этих жертв, живот свой за Казачество положивших? Легионы! Прав ст. Казанков, что у всех русских одинаковая „тактика“ — „казачье дело погубить казачьими же руками“. Это — бесспорная истина. К несчастью, эту свою тактику русские и до сего времени с некоторым успехом проводят, ибо в их „подчинении“ до наших дней находится некоторая часть казаков, „верных слуг“, „московских якорей“, готовая по приказу русских „вождей“ убить, повесить новые сотни и тысячи Кулабуховых. Если бы не эти „московские якоря“, если бы не это внутреннее предательство, мощь и силу Казачества никто не мог бы преодолеть. Но лев пораженный, все же лев. Казачество побежденное — все же сила! А потому большевики, не удовлетворяясь физическим истреблением казаков, считают нужным убить их и духовно перед светом. Только вчера я был в синаме, видел советскую картину „Тихий Дон“ по прекрасному роману М. Шолохова под тем же названием. Вот на картине этой казаки представлены какими то дикарями, кроме пьянства, драки почти ничего не знающими. Несмотря на то, что там происходит богатая казачья свадьба (Мелихова), на всем протяжении картины нет ни одной казачьей песни, без которой нет казачьей жизни. Но зато все вдребезги пьяны, лошади бешено скачут, казачки до бессознания напиваясь на бешеном скаку лошадей все врасос пьют из бутылок „романовскую“ и чуть ли не на голове ходят! По этой картине казаки и почему-то все, едут ли на покос хлеба, идут ли по улице, бешено кричат „инородному“: „казак идет, отстанься, дай дорогу!“, а при малейшем возражении сейчас же кулак казака (даже

казачки, кажется) начинает прогуливаться по физиономии крестьянина! Каждый казак там кричит на каждом шагу: мы — царские слуги!

Так представляют казаков перед всем светом „красные“ русские. О том же кричат и „белые“ русские. В этом деле у всех русских наблюдается трогательное единение. Все они, от крайне левых до крайне правых, ни по одному вопросу между собой несогласные, обнаруживают поразительное единство только по одному вопросу. Это по вопросу казачьему — „погубить казачье дело казачьими же руками“!

Сегодня нам докладчик цитатами из документов иллюстрировал это отношение русских к казачьему вопросу, к Казачеству; показал, как все русские политические течения через свои печатные органы науськовали своих вождей расправиться с Куб. Радой, говоря, что „единственный способ — традиционный Петровский — „вздернуть на дыбы“. Таково единственное и традиционное отношение всех русских — „вздернуть на дыбы“!

Докладчик цитатами документов иллюстрировал перед нами и как русские расценивали Кубанскую Радю. Вот их определение Рады: „кучка предателей“, „мерзавцы“, „самостоятельная мразь“, „выгравить каленым железом гадючее жало“, „полубольшевики“, „доигрались сволочи“.

Таками полновзвучными и „высоко-культурными“ эпитетами награждали русские люди высшее представительное учреждение Куб. Казачества, собрание лучших сынов Кубани! Я подчеркиваю — лучших людей, ибо все мы знаем, что на Круг и Радю посылались самые лучшие люди, что имелись в станице. В станицах выбирались люди прежде всего по признаку порядочности, честности, культурности, люди, отличающиеся своими высокими моральными качествами, знанием казачьей жизни, подлинных казачьих чаяний и стремлений! В этом отношении, в смысле правдивого отражения настроения казачьей народной массы казачьи парламенты (Круги и Рада) куда более были совершеннее, чем любой парламент Европы! Вот к собранию таких лучших людей Кубани русские люди, совершенно не стесняясь, прилагают такие эпитеты, как „кучка предателей“, „мерзавцы“, „мразь“, „гадючее жало“, „сволочи“!

Сегодня день казачьей скорби... Мы поминаем своих вождей, жизнь свою за Каз-во отдавших. Воскрешая перед своим духовным взором мученические образы тех тысячи казаков, жертвой чужого преступления павших; восстанавливая, возобновляя в своей памяти то истинно-русское отношение к Каз-ву, о котором говорил сегодня докладчик, поминая в такие дни неисчислимые страдания Казачества — нам следует еще больше утверждаться в своем казачьем убеждении, в правильности избранного нами пути, еще больше уверовать в святость и спасительность идеи казачьей независимости, Вольного Казачества, Казаккии!

Пусть некоторые Атаманы, злоупотребляя высоким и святым для казаков атаманским символом, клеветают на В. К., постыдно-молчаливо проходят мимо памяти умученных казачьих героев, за казачью независимость погибших; пусть пускают против нас провокацию, как это сделал на днях один из Атаманов в одном из казачьих журналов, гнуснейшим образом связывая всех вольных казаков, все В. К. с каким-то „анонимным“ письмом, исходящим из Вены, центра большевистских пропаганд; пусть этот Атаман преступнейшим образом проводит знак полного равенства между работой В. К. и работой большевиков, оскорбляя все молодое, чистое, идейное, что имеется в Каз-ве, что объединилось под знаменем В. К.; пусть, злоупотребляя атаманским постом, оскорбляет благороднейшую казачью молодежь. Пусть! Чистой Идее В. К. не в состоянии оскорбить провокация даже генералов! Идейнейшую казачью молодежь не может запятнать клевета и ложь некоторых господ, хотя бы они носили высокое имя Атамана!

К своей высокой цели вольные казаки должны идти чистыми путями, претворить ее в жизнь они должны честными средствами! Делать это мы должны во имя памяти наших павших вождей. Голос наших благородных мертвецов требует от нас чистоты, честности, бла-

городства в своих поступках и действиях. Наши герои пали за казачью Правду. Мы боремся тоже за эту же Правду. А к правде можно приблизиться только творя правду...

— Предс. Огненко, закрывая собрание, произносит краткую речь. Между прочим он говорит, что 12 лет тому назад свершилось преступление, преступники известны. История пишется и пишется беспристрастно.

Беспоощадный приговор своей историей, рано или поздно, вынесет. Над некоторыми преступниками суд истории уже свершился — главный виновник преступления уже пал от руки русских же людей!

Нам, живым казакам, чтобы оправдать заветы старины, жертвы всех наших мучеников, надо служить беззаветно той Идее, за которую они погибли. Наш святой долг бороться за то, чтобы прекратить страдания наших братьев и сестер, по жестокой воле русских людей ныне разбросанных от Урала до Соловков и Архангельска. Наши мученики погибли только за то, что они были казаки. Наши братья ныне „там“ страдают за то только, что они казаки. Мы сами страдаем только за то, что мы — казаки! Но казак будет! Казачество возродится!

Мир праху погибших. Возрождение, Свобода и Независимость живому Казачеству!

(Соб. кор.)

P. S.

В предыдущей моей корреспонденции вкралась маленькая неточность. В отчете о собрании Донской парижской станицы („В. К.“, № 92), в числе ораторов назван „молодой донец Захаров“. Захаров — не донец, а кубанец.

(Соб. кор.)

Через полчаса после закрытия траурного заседания, открылось новое заседание Общества Ревнителей Казачества, на котором обсуждался вопрос по поводу провокационного выступления ген. Богаевского в „Р. К.“, № 10—11. Была зачитана его статья и после обсуждения была принята и подписана пространная, обстоятельная статья-протест против явной провокации ген. Богаевского.

(Соб. кор.)

Доклад И. Кувикова в Лионе.

В прошлом номере „В. К.“ уже сообщалось о докладе есаула И. Кувикова (дон.) на общем собрании „С. В. К.“ в Лионе 8 прошлого ноября на тему „Уроки прошлого“. Ныне сообщаем сокращенное изложение самого доклада:

В настоящее время, когда стихийно и непреодолимо развивается и крепнет вольно-казачье движение, одним из аргументов коим оперируют „доброжелатели“ (из среды русских) Казачества, является утверждение о том, что казаки, де-мол, что ни-на есть самые настоящие 100-процентные русские люди. Невольно сам собой напрашивается вопрос, если это так, то где же тогда русский народ, „богоносец“, если уже казаки являются продуктом 100-процентной русской выделки!..

Не годится забывать нам, современным казакам, о том, что мы казаки — люди вольные; на это указывать уже наше историческое наименование — казаки — лишь усилиями Российской государственной власти на известный срок времени превращенные в „казачье служилое сословие“, долженствовавшее охранять внешние границы России и поддерживать внутренний порядок в „метрополии“.

Украина, Кавказ, Туркестан, Польша и т. д. русскими усилиями в прошлом потеряли свою независимость и были сделаны провинциями Российского государства; та-же история была проделана россиянами и в отношении Казачества. Интереснейшим фактом является то, что 100 процентные русские (россияне) всячески старались подчинить себе также 100-процентных русских, то-есть казаков, и стричь их под свою „гребенку“.

Политика русских царей в отношении Казачества, являет собой сплошь проявление коварства и нечестно-

сти: каждый император, вступая на престол, подтверждал особым манифестом все права, вольности и преимуществ казаков, отнимая их уже в последующие дни своего царствования.

Загнорнув вопрос об отношении российских верхов к Казачеству, приходится сугубо отметить и отношение вообще русского народа к казакам. Революция 1917 года низвергнув последнего русского царя с царского трона, вывела на сцену Временное Правительство, народных трибунов. Казачество с первых-же дней революции поддерживало Временное Правительство, а последнее... в награду сыпало старые „царские милости, — провокация Атамана Каледина, требование выдачи его на суд в Петербург, мобилизация Московского и Казанского военных округов против Донского Казачества. Русское народное правительство, каковым было Врем. Правительство, с первых-же дней своего существования было враждебно к Казачеству. Когда-же государственная власть была захвачена большевиками, то виднейшие представители Временного Правительства бежали к казакам, спасая свою жизнь.

Отошла в область преданий и аристократическо-бюрократическая власть, и народно-демократическая, явилась власть „трудящихся“ рабочих и крестьян в России — большевики, которые и вычленили уже в окончательной и конкретной форме отношение русского народа к казакам, заливая кровью, пожаром и ужасом — Казачьи Краи.

Власть „трудящихся“ расказачивая Казачество, неустанно подчеркивает, что Казачество не может принадлежать к разряду трудового элемента, что является весьма странным, если принять во внимание, что именно казаки подкармливали Россию своим белым хлебом; да и за границей за примерами далеко ходить не стоит. Италия страна макарон, а итальянские макароны неизменно делались из кубанской пшеницы „кубанки“.

Прошлое Казачества говорит о том, что казаки не пользовались любовью со стороны России, и, что особенно примечательно, именно за свой искони вольный уклад жизни. „Казачья домашность“ означает то, что для меня — казака, мой родимый Край — мой дом, мой загон, я ему хозяин и распоряжаться в нем хочу я, но ни как никто другой. Казак не любит, когда кто-либо чужой проедет по его загону, а русские именно и любят раз'езжать по чужим загонам. Сообразно этому и казаков-то не особенно доллюбливали, как холопы, так и цари.

Старинный казачий присказ „ты царь-батюшка в кременной Москве, а мы казаки на Тихом Дону“ — не определял-ли ясно пожелание казаков, чтобы русские цари особенно не зарились на казачьи загоны по Дону. И лишь желание использовать казаков как несравненную военную силу, удерживало русских царей до поры, до времени от окончательной расправы с казаками.

С приходом к власти большевиков (коммунистов), началось проведение в жизнь социалистического учения „о мире и благоденствии на земле“, и в первую очередь на казачьих шехах. Не стоит особенно повторяться, а потому я не буду останавливаться на всех переживаниях и ужасах Казацко-русской войны (1917-1920 г. г.): вероятно найдутся как среди казаков, так и среди русских те, кто будут возмущены подобным названием — „Казацко-русская война“! И действительно ряды „красной гвардии“ и „красной армии“ имели против себя как на Юге, так и в Сибири — Казачьи Армии, но последние, под командой „москалей“, как ген. Деникин и т. д.

Не годится забывать и о том, что существовала Добровольческая Армия, которая по собственному признанию ген. Деникина, состояла на 75% из Кубанских казаков, впоследствии комплектуясь за счет пленных „ваньков“ из стана красных (большевиков).

Забывая мозги казаков — лозунгом „Единая, неделимая Россия“, ген. Деникин вооруженной силой разогнал Кубанскую Раду, вешал народных избранников (Кулабухов), допускал своим сподручным убивать вождя Казачества (Рябовол) и т. д. и т. д. Не желая дать окрестить Казачеству, ген. Деникин втравливал каза-

ков на выступление против Украины и Грузии, горцев Кавказа, используя в то же время междоусобные распри и в среде Казачества.

Однако ген. Деникин был не один „москаль“ в рядах верховных руководителей Казачьих Армий, борющихся против большевиков, „москалей“ было много, точнее будет сказано „хватало“ и еще как!. К примеру, ген. Павлов, назначенный командиром 4-го Донского конного корпуса по смерти ген. Мамонтова, и его рейд по Манычским степям к ст. Торговой, поведший за собой гибель всего корпуса (от сильных морозов), и притом проделанный злой рукой с заранее определенным умыслом — погубить казаков...

Какая, собственно, разница для казаков, с одной стороны между „ген. Деникиным, Павловым и др.“, с другой „большевицкими ген. ген. Брусиловым, Свечным, Егоровым и т. д.“: и те, и другие, т. е. и „белые“ и „красные“ — имели одну цель — уничтожить Казачество...

А не действовал-ли иногда ген. Деникин с определенным расчетом так: уж пусть лучше возьмут верх русские большевики, чем казаки!. И это было так, ибо Верховный Казачий Край в г. Екатеринодаре, создав Дону-Кубано-Терское государство, ясно и определенно разорвав с г. Деникиным, указал последнему: не ходи „москаль“ по казачьему загону, и вполне естественно, поэтому, что для последнего (Деникина) русские большевики были милее, чем казаки-самостийники.

Дон, Кубань, Украина, Туркестан, Терек — русские области, населенные 100 процентным русским населением (конечно в воображении единонедельцев), и почитались частью России, именно потому, что здесь на местах всего было в изобилии, и хлеба, и рогатого скота, и рыбы, и птицы, нефти, угля, руды и т. д. хватало не только для пропитания русских „ваньков“, но еще давало громадные денежные ресурсы для России, за счет „вывозимого“ из Казачьих Краев, на продажу за границу. В конечном итоге, какой-же прок вышел для Казачества, участвовавшего в борьбе за „единую, неделимую Россию“? Казачьи станицы и хутора в подавляющем своем большинстве сожжены и разграблены, казачье хозяйство уничтожено, казачье мужское население физически истребляется, казачье женское население насилуется, идет уничтожение Казачества... для коего фактически одинаковы в своих устремлениях и действиях все, и белые, и красные и черные, и даже какие-нибудь оранжевые... русские.

Где-же искать казакам прибежища и спасения?..

Надлежит помнить казакам, что все русское всегда против нас, казаков, и никогда за казаков.

Казаки — люди вольные, а потому им не нужен ни царь, и ни холоп, а важно лишь создание и оформление Союзного Казачьего Государства, где казаков никто не будет эксплуатировать так, как это проделывалось в Российском Государстве.

Если до поры, до времени Россия считалась с Казачеством, то только потому, что казаки — являясь отличными воинами, абсолютно ничего не стоили ей в денежном отношении... Казаки служили поголовно, снаряжаясь на службу за свой счет, иными словами казак стоил Российскому государству — „ноль без палочки“, между тем, как регулярный кавалерист обходился тому-же государству чрезвычайно дорого, ибо на службу поступало только „голое тело“ и притом еще по жребию.

Естественно, что когда решался вопрос о том, кого послать в атаку на укрепленную позицию прогвинника, — драгунский или казачий полк, то понятно, что посылался последний (казачий), ибо драгунский полк сидел на казенных лошадях и в казенном обмундировании, а казаки имели все свое — собственное... Говоря проще, рассуждения командного состава были таковы: если знамя полка будет сохранено, то тогда и потери казачьего полка — неважны, ибо Дон, Кубань и т. д. всегда пополняют убыль и притом за свой счет: сообразно этому в состав каждой русской кавалерийской дивизии и входил один казачий полк, который одновременно являлся и „затычкой“ и „козлом отпущения“. Подобная же история разыгрывалась и в мирное время, ибо русский солдат, окончив срок действительной

службы, шел домой и был таков, как-бы „кум королю“; казак-же, отрубив „действительную“, должен был быть чуть-ли не до смерти — в боевой готовности...

Сообразуясь с приведенным, нельзя не признать что сущая правда, когда говорится „слава казачья, да жизнь собачья“; правда и то, что в России — русские были „сыновья“, казаки-же являлись лишь терпимыми „пасынками“ и то лишь до поры, до времени. На всякое казачье волеизлияние, у русских людей был один и тот-же аргумент „вы казаки владеете громадными участками земли, не то что серый русский крестьянин...

Идем дальше, — Россия требовала от казаков „службу“, ничего не давая взамен! Русские историки эгог вопрос не разрабатывали, за то „осветили“ кое-что с своей точки зрения, именно, что Казачьи Земли дарованы русскими царями — казакам, но никак не добыты последними. Правда-ли это? Нет, это ложь, казаки сами себе добыли землю, обильно полив оную своей казачьей кровью. Ложно и представление о том, что по падении большевизма в России, славное рыцарское Казачество присягнет на верность „сермяжной Руси“ и будет снова лить потоки крови... во имя русского начала. Довольно, и на этом — точка.

Придется, — казаки сами на себя будут работать, будут создавать Казаксию, но не Россию! А чтобы достигнуть осуществления оногo идеала — создания Казаксии, необходима от всех казаков самоотверженная работа, каковую в наше время и проводят вольные казаки, идущие в авангарде казачьего национального освободительного движения.

Тот, кто казак душой и телом, тому всегда честь... и место найдется в рядах Вольного Казачества — братства казачьих патриотов; тот-же, кто называет себя „русским казаком“, будет или непредрешенствовать или-же слушать истерические вопли Богаевского, Мельникова и К^о, которые вряд-ли и по падении большевизма даже при „условии“ возрождения национальной России, найдут в себе решимость появиться на Дону, ибо Войско Донское в полном своем составе потребует отчет за Войсковую казну и Войсковой музей (булава)!!!

Вольным казакам надеяться надлежит только на самих себя, неизменно памятуя, что лучше умереть за родное казачье дело — создание казачьего независимого государства — Казаксии, чем от непосильной тяжелой физической работы под фабричной трубой...

Чем дальше в лес — тем больше дров.

(Из Белграда).

В „Кавказском Казакe“ на странице 11 (см. № 11) читаем в рубрике под названием „Хроника казачьей жизни за рубежом“:

Скоплянская Станица на своем станичном сборе 11 октября с. г. произвела очередные перевыборы Правления. Станичным атаманом вновь избран Яков Степанович Ковган, старш. помощн. Михаил Игнатьев. Портнов, младшим — Николай Семенович Волков, писарем А. Н. Меденяк; в рев. ком. И. И. Гноев, И. Е. Чекин, И. М. Ляпин. Запасными членами И. К. Федоренко и Г. Д. Курыло.

Приговор не утвержден Куб. В. Атаманом, т. к. на сборе присутствовало 39 человек из 120 значащихся в станице по списку.

И потому, что выбраны национально мыслящие казаки, добавим мы от себя. Нам думается, что казаки в Скоплье наверное всех оповощали о перевыборах и собрание носило вполне законный характер, что и покажет по всей вероятности недалекое будущее, когда казаки-скоплянцы на страницах нашего журнала скажут почему Атаман не признал все Правление и не утвердил Я. С. Ковгана.

История повторяется, скоро неутвержденных Атаманов окажется больше, чем утвержденных.

Но пусть не думают Атаманы, что разоряя казачьи станицы, эти орлиные гнезда, где хранится огонек казачьей идеи, чтятся Войсковые Конституции и воля казачья, они ослабят национальное движение или преобретят себе сторонников. Напрасно.

Атаманы в станицах, никакому утверждению не подлежат. Так гласят законы старого Казачества. Станица лишь доводит до сведения о своем решении и тем дело кончено.

Если казаки выбирают себе Атамана, то они знают о нем больше, чем В. Атаман. Воля станицы выражается в том, что она из своей среды выбирает достойного на атаманский пост.

У В. Атаманов не хватает гражданского мужества сказать, что все проиграно, что ставка на Добровольческую армию и вообще на русскую эмиграцию — бита. Что надо спасаться собственными казачьими силами, а не ждать, когда тебя отволокут на чужое кладбище, закопают в чужой земле.

Казаки... Не будем терять время!. Все под вольно-казачьи знамена.

Да здравствует единая казачья страна — Казаксия. Говорите, доказывайте всем, что мы — казаки, что мы хотим быть самостоятельными, жить по своему, по казачьи, по вольному, по древнему.

Поддерживайте свой печатный орган, переименовывайте станицы в имена наших народных героев: Кулабухова, Ермака, Булавина, Разина и других.

Все — положившие живот свой за лучшее будущее Казачества и только Казачества — не должны быть Вами забыты.

(Соб. кор.)

Казаки (кубанцы) Иосиф и Харламий Уколовы режут дрова в гор. Казанлыке (Болгария).

Станица из мертвых душ.

Г. Редактор, не откажите напечатать в журнале „В. К.“ о том, какими казачьими силами располагают г. Мельников и его единомышленники в „Казачьем Союзе“. Это необходимо знать всем казакам, чтобы в будущем они имели представление, с кем имеют дело.

В № 70 „В. К.“ было уже напечатано о том, на каких правах существует в Крагуевце бумажная станица с мертвыми душами и как обманывали казаков бывший возглавитель станицы ген. Горелов и писарь Данилов.

Первый, собравши с казаков деньги, чтобы посадить их на землю, умер этим летом, а казаки до сих пор „поминают“ его, что „обдул нас“. После смерти г. Горелова его правая рука писарь Данилов, созывает на 12 июля собрание живых и мертвых. На это собрание живых приходит 8 человек, да и из них двое не казаки. Остальные 42 человека, которых не хватает (§ 10 положения о станицах и хуторах) Данилов поаимствовал из... списка за упокой.

Начинаются выборы, Данилов себя избрал за атамана, нашел и помощника, но писаря и ревизионную комиссию избирать уже не из кого было. Да и к чему ревизионная комиссия, когда ее и сам г. Мельников не имеет.

К концу собрания был затронут вопрос об открытии столовки, но беда в том, что г. Мельников почему то на станицу не присылает денег. „Господа, не попросить ли нам взаимнообразно у Дувакина, Филимонова, Персианова и комд.“, заявлял Данилов. На этом и порешили, но и тут сорвалесь, верно слаба „московская коалиция“.

Но зато г. Мельников не забыл и в № 8—9 „Род. Край“ напечатал о том, что эта Даниловская органи-

зация (из мертвых душ!) существует... правда, он очевидно постесняется потребовать приговор и список членов станицы, иначе бы он „напоролся“ на мертвых.

Не пора ли перестать играть в миражные организации?

А. Чекин.

25-XI-31. Крагуевац.

В Польше.

По примеру французских вольно-казачьих организаций, 29 ноября в Августове состоялось собрание казаков „августовского района“, на котором образована станица имени Атамана Назарова.

Атаманом станицы избран Алексей Кирьянов, помощником ат. и писарем Феоктист Сафонов, казначеем — Емельян Кочетов (все — в. к.). Заместителями: М. Муругов и А. Громов. В ревизионную комиссию избраны: Владимир Еремеев (предст. „В. К.“), Степан Пастухов и Ив. Матарыгин. Заместителями: Александр Солдатов и Ив. Быстров.

В. Еремеев.

Письмо в редакцию.

Уважаемый г-н Редактор!

В ответ на обращение ст. Е. Тишина (№ 93 „В. К.“) к казакам-пражанам прошу сообщить в сл. № „В. К.“, что я принимаю на себя хлопоты по исходатайствованию необходимых документов для желающих осесть на землю в Парагвае.

Обращаться по адресу: Praha-Strašnice, Krátká, 833,

F. Voropinovi.

7-XII-1931.

Ф. Воропинов.

В Казаки.

Новий фактор.*)

„Нема нікому другому спання, бо й нема іншого імя під небом, даного людям, щоб ним спасатись нам“.

Діяння Апостолів. Г. 4. Верш 12.

В останні роки козачої еміграції, помитно збільшення козачої активності, поруч з повільним викристалізованням козачих ідеалів і завдань. Те, що чуже нам, поволі відпадає з наших рядів, або примушено силою козачої опінії переглядати свої позиції. По всьому козачому фронту йде перегрупівка і перегляд старих ідеалів. Всі старі ідоли або повалені, або валяться, і на їх місці з новою силою і з новим життям козацтво буде храм Правді. Ідеалом більшости козаків є щастя свого народу, щастя на котре ми маємо право не менше, ніж який будь інший нарід на світі, і котре ми завжди втрачали, оскільки ми пробували вязати свою долю з нашими сусидами. Сей процес перебудови і змін, що відбувається в козачих душах, має рівнобіжний процес переорієнтації цінностей серед козацтва, що лишилось під більшовиками.

Зараз на наших землях йде завзята боротьба і в сій боротьбі населення лишає лише той багаж, що приймається їм в цій війні, що є не на живот, а на смерть. Там йде перебудова всього козачого світогляду, все те, що заваждає в боротьбі з ворогом, козацтво без великого жалю викидає геть. Для них тепер не час для сантіментів і дешевого романтизму. Я є певний, що багато з козаків, коли повернуться до дому, після падіння більшовиків, найдуть багато річей, про котрі їм і не снилося. Що находять остані години влади „товарищей“ на Кубані, я не маю найменшого сумніву. І тоді, коли наш провід не віддасть козачих інтересів в найм для чужого добра, ми зможемо створити свій козачий рай.

*) От ред. Помещаем это письмо в порядке информационном.

У нас досить сил, багатства і здібностей для цієї цілі, як рівнож і міжнародня кон'юктура буде сприяюча для наших змагань, в день падіння більшовизму.

В житті козацтва на Дону, Кубані і Тереку, в контраст з життям козацтва на еміграції, незвичайно важливу роль грає зміна релігійного фронту і перетворення релігійного світогляду в масі козацтва. На наших землях має місце свого роду реформація, про розміри котрої погано поінформована еміграція, навіть немає приблизної уяви. У всіх чомусь склалась уява, що козаки мусять бути обовязково православними, і зміна релігійного світогляду часто розглядається на еміграції, або як пристосування до емігрантського життя, або як річ цілком незрозуміла. Я не хочу входити тут в розбір парадоксального явища, чому козацтво на наших землях більш прогресивне і ясно думаюче ніж на еміграції в релігійних питаннях. Можливо, що самі обставини радянського раю такі, що спонукують людей бути філософами та шукати підпори в житті і сил для нерівної боротьби у джерела всякої правди і в спасителі всіх покривджених в Ісусі Христі.

Сей новий рух на козачих землях безперечно є фактор незвичайної ваги. І з ним повинний числитися кожний козачий політичний діяч. Для нас зараз тяжко буде передбачити усі наслідки цієї козачої реформації. У всякім разі вона відділить нас від православної Москви, так само добре як і від безбожної Москви. Реформована козацька церква зближить нас з західноєвропейськими державами і спеціально з англо-саксонським світом, та звяже нас тисячами ниток духовних інтересів. Окрім чисто політичних наслідків реформований рух на наших землях несе з собою більшу овідченість і свідомість населення. Так само є поза всякім сумнівом і великі впливи нового релігійного світогляду на поліпшення економіки краю.

Для мене, як віруючого чоловіка, найбільш важливою річчю являється звичайно, радісна новина, що козацтва в масі стає послідувателем Христа не в формі, але в самім житті. Тепер велика кількість козаків зна-

ють: що „Так бо полюбив Бог світ, що Сина свого єдинородного дав, щоб кожний віруючий в Нього не погиб, а мав життя вічне“ (Єв. від Йоана 3, 16).

Будучи активним Євангельським робітником, я маю нагоду бути в зносинах з чинниками нового руху на козачих землях. Один із учасників руху дав мені наступні інформації: „Должен вам сказать, что невозможно описать, насколько казачество страдает от коммунистов, но настолько ж сильно евангельское движение. В Армавирском окр., Лабинском, Майкопском, Краснодарском, Тихорецком и Черноморском округах и районах нет ни одной станицы, где нет общины евангельских христиан и баптистов. При моем отъезде было на Кубани и Терекке приблизительно 360 общин, но фактически их куда больше.“

На Дону з однієї общини в Мілерово повстало за короткий час 33 общини і так всюде. Очевидці з місць пишуть: „Радостно то, что казачество твердо стоит на почве испытаний и тверже, чем все остальные“. Многие ослабели, но казаки стоят, как сталь“.

Яка се „почва испытаний“, легко побачити з наступного оповідання: „Я благовествовал в станице Удобной Куб. Обл., в это время ворвались чекисты по домам и 50 душ забрали и привели на церковную площадь. Здесь чекисты целыми часами говорили речи, указывали на 50 арестованных, говорили что они невинные, но должны быть убиты в присутствии населения, которое повыгоняли на это зрелище. После этого приказали расстреливать из пулеметов арестованных. Какое настроение было, вы сами можете догадаться, но пулеметы были разставлены на всякий случай. После расстрела комиссар приказал проколоть каждого три раза штыком. Какой крик и стоны были, когда прокалывали, одна сестра в Господе так сильно кричала и плакала, что сердце ее не выдержало. Среди приколотых были брат во Христе Сиников и брат Верховой. И за что все это было? за то что несколько казаков было спрятались в горах и которым население дало хлеба.“ Зі всієї групи цих мучеників спасся чудом лише один, його не докололи. Се було в 23 році.

В тім же році в Пятигорську було розстріляно 1030 невинних людей, яко помста за двох убитих чекістів. Сі річі продовжуються і доси. Але усі переслідування тільки ще більш загартовують волю населення, воно уходить само в себе і чекає нагоди. Незвичайна атмосфера моральних мук в великій мірі відповідала за розмах евангельського руху на козачих землях. Інші церкви, або пристасувалися до влади, або не мають сміливості одверто виступити за Правду, тому їх впливи на населення звелися на нівець і лише евангелізм безстрашно стоїть в обороні гідності людини не зважаючи навіть на смерть і погрози. І нема сумніву, що сей героїзм проповіді Благовістя виграв серце козаків, котрим завжди апелювала безстрашна сміливість.

За всі ці інформації я можу ручитись, я їх маю від людей, що ризикували своїм життям Правди ради і які були по цих всіх місцях. Всі, хто хотів би докладніші відомості про релігійний рух на наших землях, може одержати інформації від мене. Я буду дуже радий дати пояснення, що до характеру руху, що має цікаві місцеві властивості. Безперечно річчю є, що в козачих землях ми маємо новий позитивний фактор, що довів свою життєздатність в переслідуваннях владою, та безперечно буде відігравати велику роль в субах нашого Війська...
Михайло Фесенко. (Канада).

Письмо в редакцию.

М. Г., Господин Редактор!

Прошу Вас поместить в нашем дорогом журнале выписки из писем, полученных мною в течении последних 4 месяцев с Тихого Дона, ст. ... 1 Д. окр.

1. ... „Твои два письма я получила, но долго не отвечала потому только, что некогда было за срочными делами, которых очень много. Заключались они в следующем: бегали по всем учреждениям, платя налоги да облоги, толкались то в РЫК., то в РАИЗО, в советы да за советы, но нигде не найдешь правды, а деньги плати...“

Последнее время уже сил не хватает платить раз-

ные налоги, но они настолько беспощадны, что конца нет. Если же не платить, тогда сразу вас вышлют в Соловки или же посадят в тюрьму.

Жизнь скучна, тяжела и непереносима. Одеваться и обуваться не во что; какая была старая — поносили, а новой нигде не достанешь и вся жизнь сплошной кошмар.

Напиши мне, думаете ли вы придти домой или же нет и не один, а все, нам это необходимо знать...

2. ... Пусть я буду заключена за тебя в тюрьму, это пустяки.

Для цели и идеи все можно терпеть, лишь бы был виден просвет, но время так долго тянется, что начинаешь терять надежду, а зари на востоке не видать, почему то долга темная ночь.

Дела у нас идут в таком порядке: у кого муж заграницей, брат или отец, — пощады никому нет, считают его вредным элементом для власти, а потому подозревается всякая связь с ними; когда открывают связь, то тех отправляют туда, откуда нет возврата никому. За жизнь теперь не приходится жалеть, ее нет и смерть не страшней данного момента, только жаль, что никогда не придется встретиться в живых, на что я потеряла всякую надежду...

3. ... На работу загоняли, заставляют работать одного за 10 человек, а платят только фунт хлеба.

В настоящее время обострения среди населения ужасные, кризис во всем невыносимый, конца которому не видать. Не знаю, переживем ли мы все эти мучения или нет, наверное гибель неизбежна. Вся надежда только на вашу скорую помощь и освобождение...

4. ... Жизнь у нас такова — хоть живому в гроб ложись, но ничто не поможет; пропала жизнь, пришла гибель невинному народу, ничего нет — хоть шаром покати.

С одной стороны жаль тебя, что ты один живешь на чужбине, а с другой — ты счастлив, что не пришел на козачие пепелище, на с'едение диким зверям, на угнетение и бесконечное рабство.

Мне скучно и грустно, но самое главное это тяжело переживать это бесконечное время, в особенности сейчас, когда наступает последний и решительный год пятилетки. Он очень страшен, потому что в настоящий момент всех мобилизуют на разные работы, не считая ни старья, ни малых, — все должны работать, строя „новую жизнь“; кто работает, тот кушает, кто не работает, тот должен погибнуть голодной смертью.

Работы нет, а правительство ни с чем не считается, народ умирает на глазах — никакого внимания...

Хлеборобы в колхозах день и ночь работают, но все босые, раздетые и полуголодные. Спасите ради Бога нас, наверное у вас не умерла благотворная храбрая душа“...

Дорогие Станичники,

Вольные и невольные казаки, каждый из нас знает, что принесла нам „гражданская“ война, — она уничтожила родных нам отцов, матерей, жен, сынов и дочерей.

Война закончена 10 лет тому назад, но красные до сего времени продолжают уничтожать наше родное казачье население, а имущество забирают себе.

Неужели мы до сего времени будем ходить в потемках, да искать генерала, чтобы нас повел освободить русскую Москву от русских?

Нет, родные станичники, нам довольно лжи и обманов до сегодня, больше нам это не нужно. Нам надо самим спасти наши родные Края, родных и имущество. Для этого нужно быть едиными национально, любить родину, гордо и открыто держать высоко свое казачье я и на весь мир сказать, что мы народ имеющий свою историю и национальность; что мы желаем жить у себя на родине и хотим распорядиться своею судьбою по своему разумению, как нам заблагорассудиться, снято защищая волю и свободу.

Каждый из нас должен помнить, что мы боремся за свободу и волю нашего многострадального народа.

10 декабря с. г. наступил пятый год смелой и трудной работы, руководителей и издателей родного нам журнала „В. К.“, который стал чисто казачьим делом. В это тяжелое время мы должны быть едины и пусть

тот 5-й г. будет решительным и последним в борьбе а наше правое национальное казачье дело.

Во что бы то ни стало мы должны достигнуть нашей цели какой угодно ценой — жить или умереть.

Дорогие друзья! Кто носит имя казака, тот должен вольно сказать: да здравствует свободная Казакция.

В. К. И. О-ов.

О г р е д. Письмо это подписано полным именем, но ред. из осторожности не помещает его целиком.

О советской калмыцкой газете.

Трудно нам, эмигрантам, регулярно пользоваться советскими газетами (дорого!), но еще труднее регулярно получать советские провинциальные, скажем, калмыцкие газеты. Это — почти невозможная вещь, нельзя достать. В бытность свою в Праге, как и в Париже, много раз я пытался доставать калмыцкие советские газеты через книжные магазины, но все тщетно. Наконец, только недавно мне удалось устроить регулярную почту калмыцкой газеты „Тангчин Зянги“.

По понятным причинам, мы ко всякому слову исходящему „оттуда“, относимся с большим интересом. Не удивительно поэтому, когда я, получив первую пачку этой газеты, шел домой чуть ли не бегом, чтобы скорее прочитать калмыцкую газету. Все же, думалось, это — калмыцкая газета, а в каждом печатном органе должны же отразиться основные черты народной жизни. И, вправду, эти черты жизни отражены, но какая это жизнь!

а) Игра в „реформы“.

Первоначально эта газета издавалась на старом калмыцком языке, т. е. в ней писали старым калмыцким письмом — Зая-пандитовский алфавит. Против этого алфавита, за его замену более „усовершенствованным“ (ввиду „трудности“ писать и читать) высказывались некоторые и раньше, до большевиков. Рядом с этим алфавитом тогда и т. н. русская академическая транскрипция, установленная русскими монголо-калмыковедами. Но большевики, любители „упрощения“, отказались и от старого калмыцкого родного письма и от „академической транскрипции“, и выдумали новое калмыцкое письмо в виде новой „усовершенствованной“ русской транскрипции. На этой новой, значительно коверкавшей язык, транскрипции стали издавать всю свою советско-калмыцкую литературу. Об этой транскрипции я в свое время высказывался.

Теперь большевики, отдавая, очевидно, дань модному течению — „латинизации“, произвели новую „реформу“, отказались от своего же вновь выдуманного „калмыцкого“ письма, и приспособили к калмыцкому языку латинский шрифт, вернее, смешанный латинско-русский алфавит, ибо для нового „калмыцкого“ письма из русского алфавита взяты, например, такие знаки, как „х“, „ь“, „е“, „э“. В результате — получилась невероятнейшая смесь.

„Реформаторы“ „регульнули“ и самый калмыцкий язык. В калмыцком языке, например, изобилуют т. н. полугласные звуки, без чего почти нет ни одного слова. Теперь этой новой „реформой“ все эти полугласные звуки совершенно изгнаны. Теперь, например, слово Энэ пишут en, уту — ut, икэ — ik, ирвэ — irv, эсэ — es, эгэ — peg, унэн — unp, бичел уга — biclgo и т. д. и т. п.

Можно легко себе представить, как этим варварски искажается сам язык! Само собой разумеется, что ретивые „реформаторы“ совершенно изгнали т. н. „гармонию гласных“, игравшую в калмыцком языке важнейшую роль и пишут теперь, как Бог, то бишь Ленин, на душу положит. В этом отношении царит полнейшая неразбериха — одно слово пишется так, а через несколько строк — совсем иначе.

Таково письмо газеты. Но не лучше обстоит дело и с калмыцким языком газеты. Это — поистине какаето невероятная смесь тамбовского с калмыцким!

б) О любви к „ударничеству“ и „доносу“.

Как и всякая советская газета, страницы этой „калмыцкой“ газеты пестрят именами Карла Маркса, Ленина и Сталина. Чуть ли самый обыкновеннейший донос обосновывается авторитетами этих „вождей“.

Как и во всем СССР, и у калмыков все делается в „ударном порядке“. Страницы газеты так и пестрят „все должно быть сделано!“, „вызываю“ того-то и того-то! Все эти воззвания и призывы выполняются в срок партийные и прочие „задания“ проходят под знаком приближающегося „юбилея“. Все должно быть выполнено ко дню 10-й годовщины возникновения „Калмыцкой Автономной Области“!

А как все эти „ударные задания“ выполняются населением, показывает сама же газета. Например, по сбору „внутреннего денежного налога“ отличился Приволжский округ, выполнивший „задание“ на 36,5%, что наглядно представлено в виде быстро мчащегося экспресса, а Приморский округ выполнил „задание“ всего на 8,9%, что представлено в виде черепахи.

Если тридцатипроцентное выполнение „задания“ представляется им в виде поезда-экспресса, то легко себе представить, как население относится к этим „заданиям“, какие результаты имеют все эти истощные крики!

Но самое интересное, это — последние страницы газеты, которые дают нам полное представление о той политической атмосфере, в которой живут наши братья „там“. Это — атмосфера безудержного доноса, шпионажа, сыска. Нет почти ни одной газеты, где не было бы этих доносов!

Например, сотрудник газеты Шевг доносит, что некий Надвид скрывает у себя скот „кулака“ Бадмин Кеке, что этот злостный Надвид только в 1921 году вернулся от „белых“, а потому его надо убрать“!

Другой кор. Алг. Шаджга, сообщает о каком то Чанин Байн, который ведет агитацию против колхозов, который говорит, что „лучше весь скот свой зарезу, мясо посулю, чем отдавать свой скот в колхоз“, поэтому: „надо его послать вслед за белыми“!

Третий кор., Медэдэк Кун, пишет, что „некий гелюн Бяда, ложно отказавшись от духовного сана, пропал в колхоз, усердно работает, а вместе и народ мутит“, а потому „надо его убрать из среды бедняков“.

Четвертый кор., Батрак, доносит, что некий „Санджин Эрдне имеет дело с гелюнами, настроивает темный народ против колхозов“, а потому „его надо изгнать“. И все эти доносы только в одном номере газеты (№ 95-411).

Некий Сас умоляет властей об „изъятии из среды рабочего класса“ сразу трех „преступников“ — Ходжгра Церен’а, Ходжгра Тува и Ивана Джал’а, которые сейчас состоят в Кетчинюр-Шевнирском колхозе. „Преступление“ их: у Ходжгра Церена — „родители были богатые“; Ходжгра Тува — „до 1919 года имел свой табун“; Ивана Джал — „до 1918 года имел двух работников“! (№ 101-417).

Один кор. газеты пишет о „примерном наказании и изгнании милиционера Цевгя Тамыш, который поддерживает „кулака“. В чем выразилась „поддержка“ этого милиционера? Оказывается, он спрятал у себя от фининспекторов запас хлеба этого злостного „кулака“, а затем скрыл от сельсовета единственную корову этого несчастного „кулака“!

Таковы литературные упражнения советских калмыцких „журналистов“, свидетельствующие о безвыходном положении „кулаков“ к которым причисляют человека, имеющего только одну корову!

Чтение этой „калмыцкой“ газеты доставляет сильную боль.

Все же ее надо читать, чтобы знать, что „там“ делается. Чтение этой газеты способно у многих убить охоту ехать „домой“. Сообщения этой газеты совершенно противоречат тем сведениям, какие сообщает уехавший в прошлом году отсюда и ныне живущий в Ленинграде студент-калмык в своих письмах калмыкам-эмигрантам, зовя их скорее возвращаться в СССР.

После прочтения этой газеты становится понятным — почему этот студент не поехал в Калмыцкую Область, ибо там о нем сейчас же посыпались бы доносы и ему невозможно было бы жить!

Шамба Балинов.

Розыски.

Казак Дм. Мих. Киндеев ищет своего станичника Герасима Прох. Беседина (ст. Темнолесской). Писать по адресу: М-eur D. Kindeeff, Kato-Lehonia, Volo, Grèce.

Обращаем внимание подписчиков на новые условия подписки на журнал „В.К.“ на 1932 год, напечатанные на последней странице обложки.

По просьбе казаков из Болгарии, в виду тяжелого положения там эмиграции, подписная плата в Болгарии немного снижена.

Открыта подписка на 1932 год
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВИЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В Греции	100 др.	150 др.	10 др.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.